

СТАРОСТИН

НИКОЛАЙ

ОСНОВАТЕЛЬ ФУТБОЛЬНОГО КЛУБА «СПАРТАК»

З*В*Е*З*Д*Ы

БОЛЬШОГО ФУТБОЛА

•ФУТБОЛ•

ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ИГРОКИ

Николай Старостин
Звезды большого футбола

«Центрполиграф»

2017

УДК 796.08
ББК 75.578

Старостин Н. П.

Звезды большого футбола / Н. П. Старостин —
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07512-3

Книга Николая Петровича Старостина ставит задачу углубить представление о большом футболе, который совсем не так прост, как иногда кажется восторженным болельщикам. У него свои законы, своя история, национальные традиции и, наконец, творческий опыт, без ознакомления с которым не всегда понятно настоящее и не столь ясно будущее советского футбола

УДК 796.08

ББК 75.578

ISBN 978-5-227-07512-3

© Старостин Н. П., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Это прежде всего игроки	5
Звезды большого футбола	6
От автора	6
Восьмой чемпионат мира	7
Вратари	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Петрович Старостин Звезды большого футбола

Это прежде всего игроки

Разные узы дружбы и товарищества связывали меня с этими спортсменами, но каждый из них мне дорог как однополчанин по футбольному фронту.

Я старался быть объективным, но, естественно, мог иногда не справиться с чувствами, а порой позабыть подробности случившегося много лет назад.

Поскольку пишу я о людях замечательных, не удивляйтесь превосходным степеням в моих оценках и помните о праве любого автора на собственную точку зрения в футболе.

Н. Старостин

Звезды большого футбола

От автора

В разгар матча он протягивает мне ученическую тетрадь и просит автограф.

– Тридцать лет, дружище, не играю, – отвечаю я, не отрывая глаз от поля.

– Подпишите, пожалуйста!

Поворачиваюсь. Рядом милое мальчишеское лицо. Такому знатоку не откажешь. Тетрадь вся испещрена автографами. Некоторые подчеркнуты красным карандашом.

– Это звезды, – поясняет юный коллекционер.

Звезды футбола! Да ведь и я пятьдесят лет назад трепетал от волнения при встречах с теми, кого в те времена молва возносила так высоко.

А затем во многом из-за них – действительных звезд и ложных светил – тысячи раз бывал я на стадионах и не перестану бывать.

Конечно, футбол как зрелище могуч при любых исполнителях. Уже то, что в нем все неповторимо и до конца неизвестно, манит миллионы зрителей на трибуны в каждом туре первенства страны. Обилие острых ситуаций, азарт, схватки за мяч и, наконец, самый исход борьбы – вот магниты, притягивающие сердца.

И все-таки больше всего восторгов у ценителей футбола вызывают сами спортсмены, те игроки, которые блещут индивидуальным талантом. Пусть один восхищает резвостью бега, но грешит техникой. Другой – виртуозный дриблер, но плохой тактик. Третий – отличный организатор комбинаций, но, к несчастью, не ставит точки над «і».

Каждый из них в чем-то искусен и оставляет надолго память о себе. Но это еще не звезда, ибо он не создал новой системы игры, не совершил футбольных подвигов, не обеспечил своему клубу многолетних побед в чемпионатах. На такое способны только подлинные таланты, имена которых в большом футболе незабываемы. Это они, звезды, они внесли новое в футбол, что-то предвосхитили в нем, сделали шаг вперед в его технике и тактике.

Это о них я поведу речь, хотя знаю, что между звездами и выдающимися солистами ясную грань определить нелегко. В футболе у самого объективного специалиста свой вкус и собственный взгляд на достоинства игроков, поэтому так мало имен, признаваемых всеми. К тому же и судьбы игроков различны. Одни из них светили ярко, но недолго, другие ровно горели полтора десятка лет, а третьи лишь озаряли футбольный небосклон вспышками, подобно северному сиянию, а затем внезапно исчезали с горизонта.

Разные узы дружбы и товарищества связывали меня с этими спортсменами, но каждый из них мне дорог как однополчанин по футбольному фронту.

Я старался быть объективным, но, естественно, мог иногда не справиться с чувствами, а порой позабыть подробности случившегося много лет назад.

Поскольку пишу я о людях замечательных, не удивляйтесь превосходным степеням в моих оценках и помните о праве любого автора на собственную точку зрения в футболе.

Восьмой чемпионат мира

В июле 1966 года, когда разыгрывалось очередное первенство мира по футболу, я в числе советских тренеров и журналистов был непосредственным свидетелем тех сражений, которые развернулись на зеленых полях старой Англии. Все мы до самого последнего дня не были уверены, достанутся ли нам билеты на финал, затем беспокоились, какими эти билеты окажутся. Мы знали, что в распоряжении пресс-центра 1000 мест, а журналистов съехалось на 600 человек больше. Потом проблема перенаселения исчезла: итальянская команда не попала даже в четвертьфинал, и в Лондоне остались только 33 из 400 обозревателей с Апеннинского полуострова. Уехали домой и несколько сот кипучих и громкоголосых представителей Южной Америки, команды которой потерпели фиаско на подступах к полуфиналам. Итальянцы уезжали тихо, не находя оснований для обид на чужих дядей. Но журналисты Бразилии и особенно Уругвая досрочно прощались с Британией, потрясая кулаками, призывая справедливость и угрожая возмездием. Им все казалось, что только сговор и интриги помешали южноамериканским командам добраться до победных высот.

Я думаю, что это не совсем так. Но сомнения в объективности некоторых судей были и у меня.

Вот почему, шагая в день финала на «Уэмбли» с заветным билетом в кармане, я прикидывал в уме, сумеет ли 47-летний швейцарец Тотфрид Динст справиться с высокими обязанностями арбитра в игре, решающей судьбу золотой богини Ники. Помимо объективности от него требовалась еще выносливость и недюжинное мастерство. Помогать ему в ответственной судействе должны были чех Карел Гальба и азербайджанец Тофик Бахрамов.

Стадион «Уэмбли» в Лондоне построен в 20-х годах, в 1966 году ему исполнилось 40 лет. Как и все здания в Англии, это массивное и величественное сооружение, но с удобствами далеко не современными. Журналистам очень мешали колонны, которые поддерживают крышу над застекленной ложей прессы – громадной, во всю длину футбольного поля. Застекленной для того, чтобы крики зрителей не мешали работать комментаторам.

Мне казалось, что, наоборот, эти стекла спасали зрителей от того гвалта, который стоял в нашей ложе. На всех языках земли журналисты вопили в аппараты, стоящие на их столах, о том, что происходило на поле. Хорошо еще, что сигарный и папиросный дым быстро улетучивался через полуоткрытый стеклянный потолок, а то пришлось бы смотреть матчи даже и в ясную погоду сквозь нелондонский туман.

В дни финала нам повезло: погода установилась превосходная, а билеты выпали на редкость удачные – в самом центре ложи, нависшей почти над кромкой поля.

Традиционный военный оркестр, музыканты которого одеты в пышные средневековые костюмы, а барабанщики с леопардовыми шкурами на спине закончил свои фигурные маршировки и под овации покинули поле. Из-под трибун показались противники. Нервный холодок пробежал у меня по спине и не покидал все два часа игры. Не сомневаюсь, что нечто подобное испытали и зрители на трибунах, а может быть, и миллионы болельщиков, прильнувших к телевизорам и радио.

Игроки шли заметно побледневшие, но я по опыту знал, что они успокоятся, как только мяч побывает в их ногах.

Английская сборная в красном, немцы во всем белом. Напомню составы этого исторического матча.

АНГЛИЯ. Гордон Бейке, Джордж Коэн, Джон Чарльтон, Роберт Мур, Рамон Уилсон, Норберт Стайлз, Роберт Чарльтон, Алан Болл, Джефффри Херст, Роджер Хант и Мартин Питерс.

ФРГ. Ганс Тилковски, Хорст Хеттгес, Вилли Шульц, Вольфганг Вебер, Карл Шнеллингер, Франц Беккенбауэр, Хельмут Халлер, Уве Зеелер, Зигфрид Хельд, Вольфганг Оверат и Лотар Эммерих.

Сражение началось ураганно. Немцы, верные своей тактике блицкрига, ринулись вперед, словно сзади сожжены все корабли. Англичане не остались в долгу и на атаки ответили яростными контратаками. Мне как-то сразу бросилось в глаза, что завершающие усилия у англичан выглядят острее. До вратаря британцев пытался добраться только один ветеран – Зеелер, а бедного Тилковски неумолимо и непрерывно штурмовали оба центральных нападающих англичан – Хант и Херст, куда более рослые и молодые.

В душе я болел за англичан, но свойственные британцам беспардонные сшибания с ног чужого вратаря невольно вызвали возмущение у меня и у моих соседей. Правда, каждый раз судья Динст давал свисток, но это только позволяло прийти в себя мужественному немцу и не действовало на чрезмерно агрессивный английский тандем. Так же молодцевато вели себя и их партнеры. И вдруг на восьмой минуте Халлер неожиданно сильно бьет с правого фланга в ворота, и вратарь Бенкс, еще до финала признанный лучшим в мире, пропускает мяч, где-то мимо него юркнувший по земле в сетку.

Аплодисменты и крики, но не всеобщие, так как 60 тысяч англичан на трибунах, естественно, молчат. Тихо и в королевской ложе, где лишь герцог Эдинбургский из вежливости аплодирует успеху немцев.

Теперь главное, как ответит на полученный удар английская сборная. Подождет хвост или нет? Не менее важно и поведение немецкой команды. Уйдет в оборону, пытаясь сохранить первый перевес, или будет стремиться наращивать успех? К счастью для футбола, оба противника остались принципиальны.

Англичане двинулись на штурм, а немцы, в свою очередь, не захотели уступить инициативу. Второй порядковый гол обычно многое решает. Забей его немцы – тогда исход матча мог оказаться необратимым.

Но неожиданная передача Мура – и герой встречи Херст, проскочивший за спины немецких защитников, эффектным ударом головы сравнивает счет. Немцы лидировали всего 10 минут. Это не значит, что они сдались. Их привлекательное по рисунку игры преимущество на центре поля по-прежнему оставалось заметным. И по-прежнему в обеих штрафных площадках англичане действовали напористей. К перерыву – 1:1 и полная убежденность, что захватывающая по накалу борьба еще не достигла апогея.

Второй тайм пролетел в нагромождении событий и страстей. Англичане наращивают темп и становятся агрессивнее. Их противники меняют все время тактику, выводят на завершающие удары вместо Зеелера молодых и более свежих Хельда и Оверата. Чаши весов колеблются, но мяч больше гостит на половине немцев. Его доставляют туда даже крайние защитники англичан, усердно помогающие пятерке своих игроков, которая осаждает чужие ворота. Трибуны непрерывно гудят, голевые ситуации создаются одна за другой.

И вот наконец на 77-й минуте после удара Питерса второй мяч влетает в ворота немцев. Темп опять увеличивается, хотя многие уже устали. Заметно на исходе силы 30-летнего Уве Зеелера, никак не найдет себе применения левый край германцев Эммерих.

Время летит. Британцы по-прежнему нацелены на атаки и меньше всего дрожат за свои ворота.

Азарт игры воспламеняет и немцев. Всей командой устремляются они вперед, отбрасывая всякую заботу о своих тылах. За минуту до финального свистка старший Чарльтон сзади атаковал Оверата. Британец отбил мяч головой, но судье показалось, что Джон оперся руками о плечи Вольфганга. Последовал штрафной. Мяч после сокрушительного удара Эммериха судорожно заплясал по ногам и телам 15 игроков обеих команд, собравшихся у английских ворот. На мгновение показалось, что Шнеллингер, увлекший свою команду впе-

ред, задел мяч локтем прежде, чем тот попал под удар Веберу. Судья Динст, бывший рядом, промолчал, и центральный защитник немцев уверенно пробил в угол. Стадион ахнул.

Забыв о своих симпатиях к англичанам, пришел в восторг и я. Игра была настолько хороша, что страстно хотелось смотреть не отрываясь еще и еще.

Команды остались для отдыха прямо на поле. Я пытался уловить на лицах англичан растерянность или досаду. Ведь это не шутка – получить нокдаун за 30 секунд до победы в первенстве мира. Но британские парни не обнаружили малодушия и, главное, не искали виноватых. Чувствовалась их уверенность в своих силах. А ликовавшие немцы – мне так показалось – нервничали.

Рассказывали, что Альф Рамсей в эти минуты убежденно сказал журналистам:

– Победить могут только англичане.

А тренер немцев Гельмут Шён ограничился утверждением, что немцы окажут достойное сопротивление.

Редко так бывает, но на этот раз оба наставника угадали, хотя драматические коллизии превзошли прогнозы. Передохнув, команды бросились в атаку с такой страстью, будто бы игра только началась. Десять минут мяч метался с одной половины поля на другую, словно выбирая, кому из противников принести в дар славу и Нику. Мастерство было примерно равное, у кого окажется больший запас сил, тот и победит.

Чудеса выносливости показывали Болл у англичан и Хельд у немцев. Команда ФРГ по-прежнему выглядела слаженней, сказывалась немецкая дисциплинированность; зато британцы подкупали неистовостью и стихийным порывом к победе.

И вот наступила развязка. В скоропалительной схватке у ворот Херст нанес сокрушающий удар с прямого подъема. Мяч со свистом ударил под верхнюю штангу, от нее рикошетом в землю и выскочил вверх в поле, где его мгновенно головой через перекладину переотправил Шульц.

Точно, видимо, не разобрав, Динст указал рукой: угловой удар. Английские игроки запротестовали и бросились к помощнику арбитра Тофику Бахрамову. При полном молчании стадиона пошел туда и сам Динст.

В ложе прессы вспыхнул спор. Я считал, что гола нет. Ведь круглая штанга специально была введена для того, чтобы ликвидировать подобные сомнения: угол падения равен углу отражения. Мой брат Андрей допускал исключения в тех случаях, когда мяч пробит резаным ударом.

Швейцарец Динст молча ждал решения своего помощника, перекладывая тем самым ответственность на плечи советского арбитра. А ведь от того, что скажет Бахрамов, зависел ни много ни мало титул чемпиона мира.

Все это понимал наш судья из Баку, знал, что сейчас за ним внимательно наблюдают 100 тысяч здесь, на «Уэмбли», и 400 миллионов у телевизоров, знал – и показал на центр поля.

Победа англичан снова стала реальной, но под тяжестью огромной ответственности ссутулился высокий и статный бакинец. Его решение как-то придавило и нас, советских спортивных корреспондентов. Бесконечно хотелось, чтобы Бахрамов не ошибся, тем более что на поле продолжалась бескомпромиссная и неостывающая борьба. Пусть не у всех сохранились прежние силы, но у всех было прежнее желание победить.

Время теперь работало на тех, кто выигрывал в счете, на англичан. Но они – то ли под влиянием не до конца убедительного третьего гола, то ли благодаря спортивным традициям своей страны – продолжали наступать, как только срывали атаки желавших отыграться немцев.

Вся ложа прессы лихорадочно передавала каждое мгновение игры в эфир. Пронемецкие представители указывали на ошибку советского судьи, преувеличивали возможности

немцев. И лишь английские журналисты невозмутимо и уверенно диктовали утверждения о близкой победе своей сборной в те газеты, которые мы должны были покупать при выходе со стадиона.

Я же все время думал: неужели решение Бахрамова не подтвердится?

Титаническая борьба на поле подходила к концу, два часа пролетели незаметно. Немецкая команда двинулась на последний приступ. Мне хотелось крикнуть Рамсею: «Упрямец, стяни назад десять человек! Отступи на три минуты от принципа и будь четыре года гордым чемпионом мира».

Не знаю, мог ли в этой горячей атмосфере радикально влиять на тактику Альф Рамсей, или его команда, воспитанная в наступательном духе, не сумела перестроиться, но так или иначе, к великому торжеству справедливости, английские футболисты продолжали атаковать.

Вот почему совершить второе чудо в один день – отыграться – немцам не удалось. Хотя последняя минута и принесла новый гол, но влетел он в ворота немцев. Это сделал Джеффри Херст, который уже забил до этого два гола. Тот самый Херст, которого Рамсей поставил вместо всеобщего любимца англичан Гривса.

Четвертый мяч снял тяжесть с наших душ и позволил расправить плечи Тофику Бахрамову. Теперь его приговор потерял генеральное значение: при всех толкованиях англичане оказывались законными победителями.

На стадионе начался апофеоз. Зрители пели национальные песни. Королева Елизавета в своей ложе готовилась вручать медали. Герои сражения строем направлялись туда. Победители шагали бодрее – за золотом, побежденные – за серебром – еле передвигали ноги. Нервная разрядка давала себя знать. Один из немцев дважды падал на лестнице от усталости и смог покинуть ложу только после того, как товарищи взяли его под руки.

Журналисты, спускаясь по замысловатым лестницам из своей ложи, говорили о третьем голе. На следующий день, десятки раз просмотрев видеопленку со всеми замедлениями и стоп-кадрами, я окончательно убедился, что гол был. Но немецкая пресса долго еще продолжала утверждать, что англичане фальсифицировали пленку с помощью технических манипуляций.

Толпы зрителей не спеша растекались со стадиона. Мы тоже не торопились. Нашему автобусу все равно предстояло долго дожидаться, когда можно будет двинуться в путь с автостоянки. К нашей группе подошел пожилой продавец, предложил сувениры и только что выпущенное сообщение о победе. Он не скрывал своей радости и на наши поздравления ответил энергичным пожатием руки.

– А ведь поначалу было тяжело, – сочувственно сказал по-английски мой сосед.

– О да, сэр! Немцы – великие мастера нападать первыми и добиваться начальных успехов. Но они всегда в конце концов оказывались битыми. Так случилось и сегодня, – хитро улыбаясь, ответил англичанин.

Я посмотрел на его хромую ногу, стараясь догадаться, где она была повреждена – на полях футбола или войны.

Мне понравился английский футбол, его рациональная, близкая мне по духу тактика. Пришелся затем по душе и тот здравый смысл, с которым относятся к игре жители туманного Альбиона. О футболе здесь не кричат на перекрестках, не спорят дома, не бушуют в служебных кабинетах. Все эмоции прорываются только на стадионах, даже на подступах к ним все еще сравнительно чинно и благородно. Один только раз за весь чемпионат мира я видел ликующую толпу. Это было шествие молодежи по улицам Лондона после победы англичан в финале. Они шли с национальными флагами и изображениями Ники и львенка Вилли.

Молодые люди направлялись к зданию, где премьер-министр Гарольд Вильсон давал прием в честь нового чемпиона мира. Всем хотелось поздравить свою команду, а попутно вызвать на балконы тех иностранных игроков, которые завоевали симпатии в Англии. Этот взрыв энтузиазма и патриотизма мне был понятен, а вначале, не скрою, меня очень удивило отношение англичан к футболу.

Когда мы улетали из Москвы, наша столица с утра жила предстоящей вечером первой игрой Англия – Уругвай. Нам завидовали все – от родных до служащих аэропорта – и все что-то советовали, просили обратить внимание, поддержать, подбодрить своих...

В приподнятом настроении прибыли мы в Лондон и вдруг попали в зону спокойствия и житейского благоразумия. В аэропорту туристы разных стран еще вносили оживление. Жались по углам большими группами приехавшие на чемпионат посланцы Южной Америки, в одних рубашках и летних платьях цвета национальных флагов, когда надо было по погоде надеть костюмы и пальто. В самом городе, куда мы приехали через час, все выглядело по-будничному деловито. Та же атмосфера в пресс-центре чемпионата, в залах, холлах и вестибюлях фешенебельной гостиницы «Роял». Ни ажиотажа, ни споров, ни суеты – тишина и рассудительность. Хозяева задавали тон, да так убедительно, что даже корреспонденты южных стран сдерживали свой темперамент.

Быстро убедившись в бесплодности наших попыток попасть на открытие чемпионата в «Уэмбли», мы поехали назад в аэропорт. Окончательно аккредитовать нас должны были в Сандерленде, куда самолет уходил в часы матча Англия – Уругвай.

– Ничего, посмотрим все по телевизору, – надеялись оптимисты.

– А если нет экрана в самолете, послушаем по радио, – подправляли скептики.

Разочарованы оказались те и другие. В машине не было ни громкоговорителя, ни экрана. Оставалась надежда на информацию от летчиков.

– Просите стюардесс регулярно справляться о ходе игры, – приставали мы к тем, кто владел английским.

Но день, так счастливо начавшийся, заканчивался одной неудачей за другой. Элегантная стюардесса отправилась выполнить нашу просьбу, но быстро вернулась. Она с привычной улыбкой разъяснила, что летчики не могут слушать репортаж о футболе, так как заняты своими прямыми обязанностями. Мы открыли от удивления рты: вот так родина футбола!

Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Пришлось смириться и предаться размышлениям. Подумал я, подумал и пришел к выводу, что и вправду незачем пускать так широко футбол в жизненный уклад и на работу. Вспомнил, что всю жизнь творится у меня дома, когда «Спартак» проигрывает. Возвращаюсь я в этих случаях со стадиона мрачным. Жена, дочери, все домочадцы знают, что я вне себя, и потому говорят тихо, смотрят озабоченно. Так длится день, а то и два, если проигрыш особенно огорчителен. Тут еще супруга моя в последнее время после участвовавших проигрышей «Спартака» взяла в привычку, открывая дверь, сразу переходить в наступление:

– Когда же вы научитесь играть наконец?!

Получается, что футбол, призванный дарить радости, оборачивается полной противоположностью. Даже после победы нервы настолько издержаются во время матча, что домой опять попадаешь усталым и разбитым. А вот в Англии все вроде по-другому. Футбол здесь любят, как театр, кино, концерты. Конечно, и здесь есть болельщики с повышенной чувствительностью, но общее отношение к спорту благожелательно-спокойное. Англичане верно понимают его принципы, за победы бьются изо всех сил, но из поражений не делают трагедии.

«Что ж, – подумал я, – пожалуй, зерно истины в более хладнокровном отношении англичан к его величеству футболу есть».

Самолет пошел на посадку в Ньюкасле, конечной цели нашего полета. Любопытство мучило нас, и мы, сбегав по трапу, окружили работников, снимавших багаж. Один из них на вопрос «Какой результат?» опустил большой палец вниз.

– Англия проиграла? – ахнули мы.

Рабочий, угадав возглас, покачал головой и соорудил из пальцев два нуля.

– Зеро – зеро? – воскликнул кто-то.

– Нес, – кивнул англичанин и сделал недовольную мину.

Обсуждая на разные лады неожиданную ничью, мы уселись в автобусы и поехали в Сандерленд. Здесь в четвертой группе играли команды КНДР, Италии, Чили и СССР. Там меня и моего брата Андрея разыскали представители крупнейших радио- и телевизионных компаний. Видимо, им были известны наши статьи о футболе, систематически появлявшиеся в газете «Совет Уикли», издающейся в Лондоне.

Футбольный обозреватель радио ФРГ г-н Миттенцвейн спросил меня:

– Считаете ли вы, что единодушная похвала английских газет своей команде искренна? Или они называют ее лучшей в мире необоснованно, стараясь запугать противников?

– Суп, сваренный моей женой, – ответил я, – тоже кажется мне воистину лучшим в мире, потому что я к нему привык. Не этим ли объясняется и безапелляционная позиция английской прессы?

События показали, что немецкий корреспондент тревожился не зря.

Редактор журнала «Футбол» Мартын Мержанов утверждал, что прогнозы в футболе запрещены, как и подножки. А ведь в Англии от нас просили именно предсказаний, и мы, не желая прослыть людьми нелюбезными, вынуждены были такие прогнозы давать. Не скрою, угадали мы не до конца. Но ведь на то и было восьмое первенство сенсационным.

В футболе спорят все и обо всем. Одни и те же факты приводят в доказательство разных истин. Перед решающими схватками и в нашей компании все спорили до хрипоты, называя по меньшей мере полдюжины безусловных победителей.

И так везде.

В Европе на помощь была призвана даже электронно-счетная машина. В нее заложили подробнейшую программу. Сотни специалистов были заняты тем, что переводили на язык цифр сведения о весе, возрасте, росте, владении мячом, быстроте, ударе, прыжке, силе, ловкости и всех других качествах каждого игрока каждой сборной. Затем электронный мозг во многотысячных сопоставлениях переварил все эти сведения и выдал на-гора результат: новым чемпионом мира по футболу окажется сборная команда Италии.

Большинство газет всего мира восприняли это как должное. Итальянский футбол в зените, итальянцы техничны, как никто, они могут повторить подвиги дедов – вот какие мотивы слышались в той футбольной увертюре, которая предшествовала восьмому чемпионату.

Правда, большая часть английской прессы упорно повторяла заявление главного тренера своей сборной Альфа Рамсея: «Англия победит».

На открытии чемпионата, после того как команды Англии и Уругвая сыграли вничью с традиционным в те времена результатом 0:0, канадский журналист в ложе прессы на «Уэмбли» воскликнул:

– Футбол родился в Англии и умрет здесь на чемпионате от ничейной смерти!

Эту фразу через час знал весь мир, и у всех почитателей футбола холодок пробежал по спине. Но на этот раз правым оказался английский репортер, не пожелавший уступить последнее слово канадцу:

– Наши футболисты все умеют. Рамсею остается только сунуть им отмычку к чужим воротам.

Кто-то остроумно заметил, что вряд ли поможет даже наилучшая отмычка против тех, кто взамен ворот изобрел заслон из 11 крепких, мускулистых тел.

Сейчас всем ясно, что в 1966 году в Англии футбол нужно было спасать от скуки и безрезультативности, вернуть ему задор, азарт, радость – все то, что составляет его главную притягательную силу. Это, к счастью, свершилось.

В течение тридцати с лишним лет, что разыгрываются мировые чемпионаты, золотой статуэткой богини Ники владели по два раза Уругвай, Италия, Бразилия и один раз ФРГ. Страны, создавшие латиноамериканскую школу игры, никак не желали расставаться со столь привлекательной и выгодной гостьей. Ведь футбол приносил не только славу. Вокруг него неудержимо лилось и звенело золото.

На этот раз на футбольные поля Англии вышли биться за победу противники, отставляющие свою тактику борьбы: броня и снаряд. Блистательными звездами в нападении и уплотненной защитой намерены были бороться южноамериканские команды и их последователи в Европе: Италия, Испания, Франция и Португалия.

Против них встали бойцы, заново вооруженные. Желание сбросить бразильское иго, обиды за многолетние поражения делали их рыцарями без страха (жаль, что кое-какие упреки они потом заслужили). Европейский лагерь возлагал надежды на Англию, Венгрию, СССР и ФРГ. Африка и Австралия не были представлены. От Азии впервые за всю историю, выступила команда Корейской Народной Демократической Республики. И дебютант, мало кем принимавшийся в расчет, внес свой вклад в разгром оборонческих тенденций.

Итак, броня или снаряд? Как всегда, техника – союзница брони, а для снаряда нужен порох.

Незадолго до чемпионата Андрей обронил как-то фразу:

– Порох футбола – темперамент.

– Как можно отказать в темпераменте южанам? – возразили ему.

– И бразильцы, и итальянцы горячи, – ответил брат, – но весь жар души они расходуют у своих ворот. От этого чужие штанги не зауглятся...

Ставка на оборону заведомо снижает шансы на выигрыш. Не зря говорят: «Победа зарыта в чужих воротах». Именно поэтому корейцы выбили из седла итальянцев, которых электронная машина возвела в чемпионы. Ошиблась машина – ей пока что не дано предугадывать степень людских эмоций, определять, как сильно заряжен человек энтузиазмом. Корейцы безусловно меньше умели, но они сильнее хотели, и воля к победе, то, что в футболе называют четвертым компонентом, решила все.

Четвертый компонент повлиял на многие игры. Опасность разгрома нависла над южноамериканскими командами с первых туров чемпионата.

Латиноамериканцы привыкли играть с передышками во время матча, а им их не давали. Они пробовали снижать темп за счет держания мяча и поперечных передач и получали в ответ беспрерывные скоростные атаки. Они хотели заставить двигаться только мяч, сберегая силы игроков. Их противники соединили усилия игроков и мяча, воспользовались суммой скоростей и оказались быстрее на всех участках поля.

Бразильцы достаточно долго были властителями дум в футболе. Уверовав во всемогущество техники, они не оценили новых европейских тенденций.

Одна за другой терпели крушение команды Испании, Бразилии, Чили, Аргентины. Оставалась Португалия, без поражений добравшаяся до полуфинальной встречи с Англией. Но в этом матче наступательная тактика британцев все же раздавила защитные линии, возведенные за Пиренеями.

Нельзя сказать, что любители футбола без сожаления расстались со своими старыми кумирами. Итальянские тиффози сразу после поражения от КНДР разорвали в клочья портреты милловидных итальянцев Факетти, Маццолы, Риверы, Булгарелли. Этой участи избе-

жали Суарес, Хенто, Гарринча, Пеле, Джимми Гривс, старые заслуги которых были еще так живы в памяти.

Пеле и сейчас в зените, а Гарринча уже в Лондоне сиял не столь ослепительно, как раньше, растратив запасы энергии, быстроты и выносливости. Несколько потемнел нимб вокруг головы любимого из любимых в Англии центрфорварда Джимми Гривса. Рамсей не включил британского идола в состав команды на решающие битвы чемпионата, хотя Джимми к этому времени был совершенно здоров. Тренер предпочел малоизвестного, но куда более работоспособного Херста и оказался великим провидцем: центральный нападающий Херст забил три гола в заключительном матче с немцами. Этим подвигом Херст поставил себя рядом с Бобби Чарльтоном, которого англичане искренне считали равным самому Пеле.

Надо отметить, что Херст не попал в символическую сборную команду мира, составленную перед финальной игрой.

Кто же они, эти футбольные академики? Вратарь Гордон Бейке (Англия), правый защитник Мануэль Санчис (Испания), два центральных защитника – Вилли Шульц (ФРГ) и Роберт Мур (Англия), левый защитник Сильвио Марзолини (Аргентина); три полузащитника – Валерий Воронин (СССР), Роберт Чарльтон (Англия) и Франц Беккенбауэр (ФРГ); три нападающих – Ференц Бене (Венгрия), Пеле (Бразилия) и Эйсебио (Португалия).

Состав символической сборной вызвал горячие дискуссии, хотя все перечисленные игроки действительно принадлежат к элите мирового футбола. У меня сложилось впечатление, что люди, составлявшие сборную, руководствовались не только спортивными, но и политическими соображениями. Они старались раздать места в соответствии с окончательной таблицей первенства. Победителю (Англии) отвели три места, серебряному призеру (ФРГ) – два, а остальным – по одному.

Футбольный бизнес не скупится на румяна для тех, кто как магнитом притягивает зрителей на стадионы. Не случайно бразильский клуб «Сантос» из города Сан-Пауло за выступление своей команды с участием Пеле берет вдвое дороже, чем без него. Сборы делают и другие знаменитые футбольные имена.

Поэтому, когда из-за возраста или по другим причинам уходят с подмостков такие светила, как ди Стефано, Диди, Копа, Пушкаш, Суарес, Гарринча, им на смену подбирают новых любимцев, которым стараются создать громкие имена. Часто это незаурядные футболисты, но лучше не принимать на веру все, что о них пишут.

Посмотрим беспристрастным взглядом на состав символической сборной мира 1966 года.

Гордон Бейке. Из команды «Лейсестер». 29 лет. Опытный и надежный вратарь, но печатью выдающегося таланта не отмечен. Он прост в приемах и поэтому нравится. Однако его игра в воротах очень прямолинейна, тогда как Лев Яшин – импровизатор и творец. Бенкс действительно пропустил на чемпионате всего три гола, но его воротам мало угрожали, и настоящему испытанию он так и не подвергся. Лев Яшин пропустил пять мячей, но зато вдвое больше отразил в самых безнадежных положениях. То, что он лучший вратарь мира, видели все, и не случайно составители сборной, отвечая на недоуменные вопросы, ссылались только на неудачную фразу старшего тренера советской команды Николая Морозова: после игры СССР – ФРГ он в сердцах сказал, что Яшин обязан был взять второй мяч, решивший судьбу полуфинала в пользу немцев.

В игре Мануэля Санчиса, небольшого испанца из клуба «Реал-Мадрид», я не разобрался до конца. Ведь если команда упорно придерживается массивной обороны, то блеснуть индивидуальным мастерством негде. Поэтому трудно понять, кто играет с блеском, а кто так себе. К тому же появление в сборной мира Санчиса было для меня неожиданным. Команда Испании закончила свои игры, и специально посмотреть его было уже негде.

Мне очень пришелся по душе рослый и сильный правый защитник венгерской команды 24-летний Бене Капоста из клуба «Уйпешт». Во всех встречах он спокойно справлялся с чужим форвардом и превосходно участвовал в атаках. Много нервов попортили нам его рейды к нашим воротам в четвертьфинале, когда венгры, проигрывая 1:2, предприняли героические усилия, чтобы отыграться. Хотя мы горячо болели за своих, нельзя было не восхищаться стараниями Капосты. Все подкупало в его игре – смелость, быстрота, техника, удар. В моих глазах он так и остался лучшим правым защитником чемпионата.

Оба центральных защитника символической сборной возражений не вызывали. Это образцовые стоперы новой формации. И немец Вилли Шульц, и британец Роберт Мур высоки, быстры, агрессивны. Они хладнокровно и умело отбирали мяч и, овладев им, безбоязненно устремлялись вперед, не уступая своим форвардам в умении атаковать. Шульц притом же расчетлив, уверен в себе и техничен.

Игра Роберта Мура не блещет показной техникой. В ней нет трюков или попыток сыграть на эффект, а много смелости и риска. Допускаю, что сотни эстетов не были в восторге от простоты его действий на поле, но убежден, что у десятков тысяч зрителей Мур вызывал симпатии и уважение. Он настоящий сын спорта – немного озорной, веселый, с румянцем во всю щеку, уверенный в своих силах. Ни разу Роберт Мур не хромал, не жаловался, не унывал.

Может быть, Роберт Мур производил хорошее впечатление потому еще, что не все его товарищи были ему под стать. Так, над его партнером Норбертом Стайлзом (№ 4) нависла угроза дисквалификации. Он получил два предупреждения за грубость, и тогда газета «Дейли экспресс» поместила на первой странице фото жены Стайлза с сыном. Миловидная молодая женщина держит на руках годовалого Питера. Рядом жирным шрифтом напечатано: «Мой муж Нобби нежный и застенчивый человек. Он так любит меня и сына, что не может быть грубияном». Любящей супруге вторила заботливая мама: «Мой сын не ангел, но он получил отличное воспитание и знает, где и как себя держать».

Вот тут и решай, кто прав. Судья, который знает Стайлза всего два часа, или родные, прожившие с ним долгие годы?

Решил я понаблюдать за Стайлзом в матче с португальцами, тем более что Эйсебио опубликовал в газетах просьбу к судьям следить за этим англичанином. И представьте, грозный Стайлз оказался вовсе не верзилой, а середнячком, весом не более 70 килограммов. Играл он на этот раз корректно, но Эйсебио держал себя явно настороженно. Вот уж подлинно у страха глаза велики.

«Жена и мать правы», – решил я. Но в финальном матче Нобби распоясался в полном и переносном смысле слова. В игре он несколько раз опасно атаковал немцев, а после матча выпустил рубашку из трусов и в таком виде отплясывал твист на глазах у ста тысяч зрителей и королевы. Вот тебе и застенчивость, и хорошее воспитание!

Некоторые скажут: победителей не судят, а когда выиграно первенство мира, на радостях и сплясать не грех. Я другого мнения. Спортсмены обязаны владеть собой и подавать примеры выдержки. Мне претят после забитого гола объятия и поцелуи. Я не прощаю показных «страданий» при ушибах или подчеркнутой хромоты, о которой забывают через пять минут. На поле, как и в жизни, должно быть больше места благородным поступкам, подобным тому, который совершил португальский нападающий Аугусто в полуфинальном матче с Англией. Он торжественно пожал руку англичанину Бобби Чарльтону за тот прекрасный удар, которым был забит второй, решающий гол в ворота Португалии. Этот воистину спортивный жест, вероятно, обрадовал Бобби больше горячих восторгов друзей. У зрителей поступок Аугусто вызвал бурное одобрение.

Тренер Альф Рамсей сказал, что тактика английской сборной разрабатывалась в расчете на Чарльтона. Верно. Создавал рисунок игры, выискивал пути и тропы к успеху действительно Бобби, виртуозный мастер футбольных баталий. Но для осуществления победы

необходимы Роберты Муры. Вот почему этот 25-летний защитник лондонской команды «Вест Хем юнайтед» был избран капитаном сборной, хотя семь игроков в ней были старше, а значит – опытнее его. И не зря именно Роберт Мур был признан лучшим игроком чемпионата.

Истосковавшись по наступательному футболу, ФИФА пожаловала этот высокий титул впервые в истории мировых чемпионатов центральному защитнику. Вожак английской сборной удостоился такого почета за свои труды не только в обороне, но и в атаках чужих ворот. Он оказался на гребне волны, которая поднялась, чтобы обрушиться и сокрушить все бетонные нагромождения латинской школы.

Признание лучшим защитником аргентинца Сильвио Марзолини – это реверанс перед обиженной Аргентиной. По-моему, больше основания было оставить в сборной мира прошлого избранника немца Карла Шнеллингера. В 1966 году он выступал по контракту в итальянском клубе «ФК Милан», но на время чемпионата был отпущен в свою национальную сборную. В Англии 27-летний футболист (рост – 182 см, вес – 79 кг) был в самом расцвете дарования. На любом участке поля Шнеллигер чувствовал себя как дома. Этот проницательный игрок влиял на все тактические ходы серебряного призера.

Конечно, Марзолини быстр и горяч, но он ровно на 10 сантиметров ниже Шнеллингера и, естественно, не так надежен в игре головой, да и куда меньше искушен в наступательных операциях: ведь для аргентинской тактики характерны сугубо защитные варианты.

Роберт Чарльтон, или Бобби, как его зовут любители футбола, – фигура очень колоритная. Небольшой, стройный (рост – 174 см, вес – 72 кг), скорее хрупкий, чем крепкий на вид, он обладает рядом совершенных качеств. Прежде всего, у него редкая по красоте техника, великолепный удар с обеих ног, тонкое чувство тактики и умение появиться в критический момент там, где нужно и где его менее всего ждут. Он не играет на зрителя, но вместе с тем каждое его движение с мячом эффектно. Ему уже 29 лет, у него большие залысины, но каждому англичанину голова этого блондина казалась олицетворением британской красоты и мужества.

Главная заслуга Бобби – умение подстроиться к любому партнеру. Все его передачи приобретали высшую отделку и получали толкование, неожиданное для противника.

Бобби Чарльтон был одинаково велик и как дирижер и как солист. Это самый крупный бриллиант в футбольной короне Англии. В Лондоне для победы своей команды он сделал больше, чем Эйсебио для португальской и Пеле для бразильской.

В сборной Англии играл его старший брат Джон Чарльтон в амплуа стопера, напарника Мура. Разные по мастерству, но близкие по характеру, братья крепко цементировали дружный коллектив английской сборной.

Второй полузащитник сборной мира Франц Беккенбауэр внешне напоминает нашего знаменитого прыгуна Валерия Брумеля. У себя на родине он играет в клубе «Бавария» (Мюнхен). Франц техничен, точен и работоспособен, как машина. Не грубый, но малоуступчивый в борьбе за мяч, он может, по молодости (ему 21 год), ответить на удар ударом, а затем по стойке «смирно» извиниться перед судьей. Он обслуживает обширный участок поля, тяготея к нападению, и потому не случайно забил на чемпионате четыре гола из тех пятнадцати, что провела в чужие ворота сборная ФРГ.

Именно Беккенбауэр коварным резаным ударом направил в ворота советской сборной второй мяч, показавшийся Яшину летящим мимо цели и принесший команде ФРГ победу.

Франц – самый молодой из всех игроков, попавших в символическую команду мира. Перед ним открылась блестящая карьера, так как он успел к совершеннолетию получить крещение в таких важнейших сражениях, как полуфинал и финал кубка Ники.

Не успели стихнуть литавры, как Беккенбауэру предложили подписать выгоднейший контракт с итальянским клубом «ФК Милан». Правда, на пути этой сделки стоит запрещение

Итальянской федерации футбола приглашать в страну зарубежных футболистов, но бизнесмены прилагают все усилия, чтобы его обойти.

Ференц Бене поставлен на правый край сборной мира, мне кажется, тоже чтобы отдать дань футбольному могуществу Венгрии. Алан Болл из английской команды «Блекпул» в этой роли был на голову выше венгра. Правда, Ференц забил четыре гола, Алан – ни одного. Но зато британец показал чудеса выносливости и старания, тогда как венгр практически держался только в передней линии нападения. Бене – правый крайний прежней формации, умеющий отлично завершить комбинацию или убежать с мячом и оказаться один на один с вратарем. Болл – игрок новой тактики, который способен набегать на поле за полтора часа не 8—10, а 15 километров, если это потребуется для победы.

Центральный нападающий Пеле (Эдсон Арантес до Насименте) в рекомендациях не нуждается. Этот выдающийся футболист соединил в себе все футбольные доблести. Но прежде всего Пеле достоин уважения как человек и спортсмен. Он ехал на первенство мира обреченным на тотальную опеку. Противники знали, что Пеле – главная ударная сила бразильской команды, и потому в открытую заявляли, что не пожалеют сил для нейтрализации черного кудесника.

И сделали это очень грубо. Пеле был травмирован в первой же игре. Повторилась грустная история прошлого, чилийского чемпионата. Пеле пытался с больной ногой удерживать для Бразилии титул чемпиона, но португалец Мораис, забыв о джентльменстве, доконал черную жемчужину.

– Я никогда больше не покажусь на первенстве мира, – сказал, уезжая из Англии, чудесный бразилец, – но буду играть за свой «Сантос». Ведь мне еще только 26 лет...

И он потом действительно играл, удивляя своим искусством мир. Пеле обладает достоинством, которое не часто встретишь у талантливых спортсменов, – умением стойко переносить редкие и потому особо чувствительные поражения.

И наконец, последний в списке «великих» – Эйсебио (Эйсебио да Силва Феррейра), которого вначале прочили на трон вместо Пеле, а затем возвели в сан наследника престола. Он тоже негр, из африканского Мозамбика, ростом выше Пеле на 2 сантиметра (176 см) и, возможно, чуть-чуть быстрее. Если верить газетам, он бежит 100 метров за 10,6 секунды.

Эйсебио отлично и охотно бьет по воротам и заслуженно завоевал звание лучшего бомбардира чемпионата: девять забитых мячей в шести играх. Немец Халлер, занявший второе место, отстал на целых четыре мяча.

Эйсебио – виртуозный дриблер и усердный работник на поле. В игре против сборной КНДР он сотворил чудо, забив противнику почти в одиночку четыре гола подряд, после того как Португалия проигрывала 0:3. Но, видимо, в этой игре молодой негр истощил свои силы. В решающем поединке с Англией его энергии не хватило. То же повторилось в матче за третье место против сборной СССР. Эйсебио забил и нам, и англичанам по голу, но только с 11 метров. Он расплакался тут же на поле после игры с Англией. Но мне кажется, плакал он не потому, что Португалия проиграла, а что сам он сделал меньше для победы, чем ждал.

Пеле не плакал после поражения, хотя поводов к этому у него было больше. Правда, у Пеле уже были две золотые медали чемпиона мира, а у Эйсебио рухнули надежды получить первую. И все-таки слезы португальца значили, что у него нет выдержки Пеле. Эйсебио чувствует это. Он заявлял о превосходстве Пеле даже тогда, когда его репутация на чемпионате мира казалась выше. Пеле так и остался бесспорным лидером нынешнего футбола. У Эйсебио есть шансы в будущем настичь Пеле и если не перегнать его, то хотя бы встать с ним рядом.

Разбор символической сборной мира был бы неполным, если не сказать еще об одном рыцаре футбола. Правда, его имя не названо в составе сборной.

Никого так остро не критиковали до чемпионата мира, никого так дружно не хвалили после финала, как старшего тренера английской сборной Альфа Рамсея.

Этот упрямец выиграл золотую богиню, не гоняясь за игроками-звездами. Сам в прошлом правый защитник сборной Англии и ее капитан, Рамсей принял команду от Уолтера Уинтерботтома – человека эрудированного и скорее ученого, чем тренера, ныне директора спортивно-консультативного департамента воспитания и науки. Уинтерботтом на вопрос, как он расценивает триумф англичан, без тени иронии ответил ошалевшим от радости британским журналистам:

– Удивляться, собственно, нечему. Английская сборная в Лондоне на «Уэмбли» за всю историю проиграла только однажды – венграм в 1955 году.

Альф Рамсей начал с того, что расстался с большинством знаменитостей, рассчитывая на тружеников футбольных полей. Все внимание он обращал на повышение выносливости, темпа, быстроты и, наконец, воли к победе. Пример успешности такой подготовки был налицо. Альф Рамсей четыре года подряд тренировал клуб «Ипсвич», перевел его из четвертой профессиональной лиги в первую и больше – довел до звания чемпиона Англии в 1964 году.

– Мы должны выиграть первенство мира 1966 года, – твердил Рамсей своей сборной. – И мы его выиграем, вне зависимости от того, сколько звезд окажется в нашей команде.

А тем, кто скорбел об отсутствии громких имен, он отвечал:

– Когда золотые медали засверкают на груди моих игроков, каждый из них сделается звездой.

И Рамсей до конца выдержал свою линию. Даже на финал чемпионата он не поставил выздоровевшего Джимми Гривса, футбольного аса, любимца англичан, а предпочел ему Джеффри Херста из «Вест Хем юнайтед».

После первой ничьей Англии с Уругваем в день открытия чемпионата самые острые стрелы критики полетели в строптивого Альфа.

«Мне было жалко наших ребят, которые обильно потели на поле, и нашего тренера, который страдал, сидя на скамейке сзади ворот. Но на принципе «бей и беги» в современном футболе далеко не уедешь», – писал один английский футбольный комментатор.

Другой лондонский обозреватель выразился еще язвительнее: «Английские игроки старались изо всех сил и бегали до упаду, но я думаю, главная беда в том, что они яростно стремятся не в ту сторону, где находится финал первенства мира».

Рамсей все это читал и оставался серьезен, спокоен.

– Напрасно улыбаетесь, джентльмены, – говорил он. – Первенство все-таки никто, кроме Англии, не выиграет.

И этот провидец, крепко сколоченный, среднего роста, с лицом невозмутимого британского шкипера, оказался прав. Он привел команду к победе, вернул футболу наступательный стиль. И заслужил всеобщее уважение, сохранив спокойствие и выдержку при всеобщем ликовании. Он категорически отказался совершить вместе с командой круг почета и энергично прервал попытки игроков на руках вынести его со стадиона.

На вопрос журналиста, что он думает делать после такого триумфа, Рамсей ответил, что еще раз попробует своим методом вывести какой-нибудь клуб низшей лиги в класс «А».

– Английскую сборную выше вести некуда, а я люблю шагать в гору, – такой шуткой рассчитался Рамсей с теми, кто так часто испытывал на этом железном спортсмене и руководителе свое остроумие. Но два месяца спустя Рамсей все-таки подписал контракт на работу со сборной Англии еще на четыре года.

Совсем по-иному вели себя неудачники. Я присутствовал на закрытой пресс-конференции, которую Итальянская федерация футбола вынуждена была устроить для представи-

телей крупнейших итальянских газет, слышал объяснения тренера сборной Эдмондо Фабри наседавшим на него корреспондентам.

- Считаете ли вы себя способным руководить сборной?
- Пусть это решит федерация, проверив мою работу.
- Вы знаете, что вы и ваши игроки заставили вчера пережить шесть тысяч итальянцев на трибунах и миллионы у телевизоров, проиграв КНДР?
- Знаю, всем было тяжело, но поверьте, что и я совершенно убит.
- Почему же вы проиграли?
- Дам точный ответ, переговорив с игроками.
- Почему вы этого не сделали перед конференцией?
- После проигрыша вчера они ночь не спали. Я не хотел сегодня утром беречь их раны.

Были и еще вопросы, но я вышел из зала. Эта Голгофа, где казнили маленького человека в сером строгом костюме, ярком голубом свитере и темных очках, вызывала тяжелое чувство. Фабри стоял, как бы выслушивая смертный приговор. В мире, где господствует капитал, нет пощады тем, кто снижает прибыль. А ведь футбол в Италии – отрасль большого бизнеса. Проигрыш на первенстве мира привел к резкому падению посещаемости матчей, заметно уменьшил ставки в футбольном тотализаторе, понизил цены на игроков, особенно тех, которые входили в состав сборной.

Последние годы Италия привлекала футболистов всего мира. Там дороже всех платили, там предлагали самые крупные выкупы за игроков, там на футболе наживались и без того богатые дельцы.

В 1957 году во время гастролей в Италии футбольной команды московского «Спартака» я в числе руководителей команды был приглашен к председателю Итальянской футбольной федерации синьору Барасси. Встреча состоялась в шестиэтажном доме федерации, расположенном на одной из центральных улиц Рима. Пять этажей этого дома отведены под коммерческие операции федерации. Многочисленный аппарат занят провертыванием еженедельного, узаконенного правительством тотализатора, в который играют миллионы итальянцев. В этом здании устанавливаются цены на игроков, выдаются ссуды клубам на покупки их, здесь подписывают контракты и придумывают способы, при помощи которых околофутбольное золото течет в карман крупных коммерсантов и частных акционерных обществ.

Вполне естественно, что успехи итальянского футбола увеличивают приток зрителей на стадионы и число играющих в тотализатор и, наоборот, неудачи снижают денежные поступления. Нужно много ума и труда, чтобы поддерживать интерес у зрителей. Куда больше изворотливости и находчивости вкладывается в эту деятельность, чем в развитие техники и тактики футбола.

Футбольный бизнес широко развит и в других странах, претендующих на роль футбольных гегемонов в мире. На первенстве мира в Англии я много слышал о старшем тренере профессиональной команды второй лиги города Ковентри.

Этот тренер, в недавнем прошлом известный всей Англии игрок команды «Уолтхэм» Джим Хилл, в погоне за зрителем вводит всякие новшества. На трибунах нового стадиона он устроил обогрев с помощью сильных ультрафиолетовых ламп. Под трибунами открыты восемь баров. На стадионе непрерывно играет оркестр. Так называемый «офицер связи», подручный Хилла, все время занимает зрителей. Примерно за час до начала матча публику приглашают послушать сведения о противнике, с которым сегодня встречается команда Ковентри. Офицер подробно рассказывает о сопернике и в общих чертах сообщает тот план, который команда намерена осуществить в игре. Информация эта передается по радио.

Когда футболисты Ковентри уезжают играть в другие города, то для болельщиков подают поезда, в которых они могут ехать на матч, уплатив за билет 50 процентов его стоимости. Для тех, кто остается в городе, на стадионе устанавливают десять больших телевизионных экранов (10 на И м): по три экрана против длинных трибун и по два – сзади ворот. На стадионе собирается в телевизионные дни до 12 тысяч человек. Билет стоит 10 шиллингов, а на матчи – 15 шиллингов.

Хилл заявил в 1966 году, что его команда выступает хорошо и он намерен перевести ее в первую группу. Во всяком случае, владелец его клуба пока доволен: 25 тысяч зрителей – это стабильная цифра на выступлениях команды Ковентри.

Но его тренер Джим Шанклин, у которого он играл в «Уолтхэме», услышав о нововведениях ученика, сказал:

– Как бы Хилл ни усердствовал, пусть даже повесит для зрителей люстру посередине поля, прикрепив ее к луне, но, если его команда три раза подряд проиграет, все равно трибуны будут пусты. Поэтому я не рекомендую ему тратить время и энергию на эти затеи, а советую весь пыл отдать работе с командой.

В мире футбольного бизнеса идет беспощадная борьба. Английская федерация футбола свято стоит на страже финансовых интересов своих клубов, и потому футбольные игры на первенство Англии не транслируются по радио и передаются по телевидению только на следующий день, с пленок. Телевизионные компании в традиционные дни футбольных матчей – по средам и субботам – показывают игру в регби. Видимо, с одной стороны, эта игра нуждается в рекламе, а с другой – надо же передавать по телевидению что-то спортивное в эти дни и часы.

Существует в футбольном бизнесе и своя биржа, которая остро реагирует на подъемы и спады в этой отрасли коммерции. И если в Италии после крушения «Скуадры Адзурры» на первенстве мира цены на игроков сборной пали в два-три раза, то в Англии, наоборот, резко поднялись.

Характерна в этом отношении история 20-летнего Алана Болла. До того как Альф Рамсей включил его в сборную, маленького (168 см), худенького (64 кг) лондонского парнишку мало кто знал. Но вот прошло первенство, и этот футболист стал знаменит. Зрители по достоинству оценили его невероятное трудолюбие и неиссякаемый темперамент. Тут же после финала клуб «Эвертон» из Ливерпуля заплатил за него клубу «Блекпул» 80 тысяч фунтов стерлингов – вторую по величине сумму за всю историю английского футбола. 100 тысяч фунтов были уплачены в свое время клубом «Манчестер юнайтед» за шотландца Девиса Лоу, признанного лучшим игроком Европы в 1965 году.

Вскоре после первенства английские газеты подняли кампанию за привлечение к суду группы профессиональных игроков. Эти футболисты, для того чтобы получить выигрыши по тотализатору, якобы заведомо договорились между собой об умышленном проигрыше некоторых встреч.

Не раз получали огласку и случаи подкупа судей в профессиональном футболе. Однако необъективный судья не гарантирует успеха. Судья может содействовать победе, но обеспечить ее ему не под силу. Не сможет же он, например, засчитать гол, если мяч ни разу не пересек линии ворот. Поэтому дельцы от футбола стали подкупать игроков, чаще всего тех, кто составляет основную силу противоборствующей команды. Таких процессов немало произошло по Европе, особенно в странах, где существует футбольный тотализатор.

Но есть соревнования, где пустить в ход взятки – дело почти неосуществимое. На первенстве мира, скажем, вряд ли сыщешь игрока, способного поставить деньги выше интересов родины. Но изворотливый ум бизнесменов, карьеристов и фанатиков находит и тут лазейки для нечестной борьбы. Они прибегают к недопустимым и вредным методам воздействия на игроков.

Именно в погоне за прибылью тренеры и врачи идут на такую крайность, как допинг. Они снабжают игроков стимулирующими и возбуждающими средствами, которые вызывают на короткий срок прилив энергии, а затем пагубно влияют на здоровье.

Даже на Олимпийских играх в последние годы проступают черные пятна допинга. Это запрещено, но «цель оправдывает средства», и спортивные иезуиты идут на все для завоевания победы.

Поэтому на первенстве мира 1986 года в Англии был введен официальный запрет на допинг, решили принять действенные меры против этого недостойного явления, калечащего игроков физически и психически. Перед игрой судья по жребию определял двух игроков от каждой команды, и при выходе на поле у них брали кровь для анализа. Пробирки опечатывались сургучной печатью и отправлялись в Лондон, где кровь проверяли в специальной лаборатории методами, безошибочно определявшими любой допинг, если он был принят хотя бы в малой дозе. В статусе было указано, что в случае положительного анализа команде засчитывают поражение и ее игроков дисквалифицируют на все время первенства.

Арбитр имел также право потребовать от любого игрока, вызвавшего у него подозрение во время матча, сдать кровь на анализ. Такой процедуре был подвергнут, например, первый удаленный на чемпионате игрок – уругваец Альбрехт, ударом ногой в живот сбивший с ног немца Халлера.

В 32 матчах восьмого чемпионата кровь у игроков была взята 128 раз. Ни в одной из пробирок стимуляторы не были обнаружены.

Казалось, что с допингом покончено раз и навсегда. И вдруг большинство футболистов сборной Италии заявили по приезде домой: «Мы проиграли в Англии потому, что врач делал нам уколы, которые вместо того, чтобы взбодрить, расслабляли во время матча». Восемь игроков, заявивших о допинге, поддержал Эдмондо Фабри. Он утверждал, что доктор, делавший игрокам уколы, действовал по наущению его врагов, заинтересованных в провале тренера.

Но почему же анализы крови в Лондоне не подтвердили допинга?

– Потому, – объясняли сторонники Фабри, – что эти анализы могли обнаружить только вещества, подстегивающие нервную систему, а не угнетающие ее.

– Клевета! – энергично протестует врач. – Клевета, выдуманная для того, чтобы не дать право Итальянской федерации футбола разорвать с тренером Фабри контракт, срок которого истекает только в 1970 году.

И объяснял далее, что контракт, выгодный для Фабри, может быть аннулирован без крупной неустойки только в случае провала сборной по вине тренера, поэтому-де ответственность за невиданное поражение перекалдывают на врача.

Разобраться, где тут истина, трудно. Но суть дела не в этом, а в том, почему вообще возникла нужда в допингах? Потому что погоня за деньгами в капиталистическом мире растекает сознание игроков.

Сборной команде Корейской Народно-Демократической Республики безусловно не требовался допинг. С великим энтузиазмом ее игроки победили сначала сборную Италии, оснащенную отличной техникой, а затем сумели вести 3:0 во встрече с призером чемпионата – командой Португалии.

Из всех стимуляторов мне по душе один: хорошее задушевное слово перед игрой и сознание патриотического долга. Без него футболист – лишь наемный солдат, способный бросить оружие на поле боя в самую критическую минуту.

Свела меня судьба и с другим неудачником – Винсенте Феолой, тренером бразильской сборной.

Наша группа сидела в лондонском аэропорту, ожидая в течение нескольких часов временно заказанный самолет. Вдруг в толпе пассажиров мелькнула знакомая фигура. Туч-

ный, невысокий человек с большим одутловатым лицом пробирался к столику. Это был Феола, с которым я беседовал в «Лужниках» после блестящей игры бразильцев в Москве два года назад.

Я давно знал, что Феола шахматист и в футбол никогда не играл. Но мне захотелось послушать, что он скажет в свое оправдание. Привыкший к окружению из репортеров, Феола, покинутый всеми, с заметной радостью начал отвечать на вопросы советских журналистов. Видимо, ему хотелось излить душу, а возможно, и спасти хотя бы крупницы прежней популярности. К сожалению, и вопросы, и ответы были стандартными.

– Думаете ли вы менять систему 1 + 4 + 2 + 4 после неудач?

– Не вижу к этому оснований, – ответил толстяк, сделав вид, будто смена тактики зависит от него. Затем последовали сетования на травмы у ведущих игроков и жалобы на болгар, которые первыми повредили Пеле. – Мы потеряли перед турниром Жаира, Амарильдо, а затем Герсона и Жильмара.

Он начал загибать пальцы, считая пострадавших, но, по-моему, главное было не в этих громких именах. Бразильцы выиграли всего одну встречу и не попали в четвертьфинал потому, что прибыли на чемпионат со старым вооружением.

Винсенте Феола вернулся домой только через месяц после первенства мира и под чужим именем. Дом его в Бразилии после проигрыша пришлось на долгое время взять под охрану полиции.

Феола сразу дал объяснения поражению в прессе. Он считал, что допустил несколько ошибок, но главные причины – это травмы игроков и нечестность судей.

– Из девяти арбитров, которые судили наши матчи на чемпионате, семь были англичане.

Кое-кого такие ссылки могут успокоить, особенно тех, кто ищет утешения. Но я вспоминаю свои первые игры. Уже тогда, на заре советского футбола, мы знали всю механику оправданий и полусерьезно сговаривались, которой по счету заповедью будем объяснять свой проигрыш дома. Первая – случайность; вторая – плохое поле; третья – погода; четвертая – невезение; пятая – судья и т. д.

Когда мы играли на чужих полях и свидетелей из родного города не было, легче всего было свалить на судьбу.

«Давайте объяснять все заповедью пятой», – решали мы и так горячо возмущались арбитром, что под конец сами начинали верить в свою правоту. Слушатели знали, что судейство решает многое, и не сомневались в наших словах. Нас любили и хотели верить, что мы непобедимы. К тому же в каждой игре всегда найдется несколько сомнительных ситуаций, когда свистки судьи могут повернуть исход игры в ту и в другую сторону. Наша горячность убеждала даже тех, кто знал по опыту, чего стоят эти сказки.

Нынче, когда все сами видят игру, так наивно оправдываться уже нельзя. Но по телевидению нельзя хорошо рассмотреть все частности, охватить целое на маленьком голубом экране невозможно. Да и кулуары чемпионата не просматриваются, так что возможности для оправданий еще велики.

Феола отлично это понимал и, зная, что его песенка спета, оправдывался, не очень заботясь о доказательствах.

Однако болельщиков не проведешь. Они не зря просиживают часами перед телевизором и достаточно хорошо разбираются во всех обстоятельствах. Не убедил никого и опальный Феола. Конечно, бразильские звезды восхищали всех нас, но мы с малых лет были воспитаны на английском футболе.

– Молодцы англичане! – заключил я после финала, перед тем как писать отчет в Москву. – Они победили оружием, сделанным в Британии. Они никому не подражали и вернули футболу благородные традиции риска и наступления.

Все это было нужно как воздух и футболу советскому. Правда, наш футбол не выглядел на первенстве мира таким изнеженным, как итальянский, и не был лишен здравого смысла, которого не хватало в играх уругвайской и аргентинской команд. У нас в тайниках еще сохранился добрый старый азарт. Когда советская команда переходила в решительные атаки, то давала трещину оборона таких грозных противников, как Венгрия, ФРГ, Португалия. Жаль, что привычка наступать, думая о собственных тылах, снижала остроту атак наших игроков. В первую очередь это относится, конечно, к защитникам и полузащитникам, которые были способны поработать в духе английских игроков обороны и даже знаменитого Болла. Обидными поэтому показались мне проигрыши сборным ФРГ и Португалии.

Немцы в матче с нами действовали уверенно и сильно, но мы ведь уступили им всего один гол, играя к тому же весь второй тайм вдесятером, – на 43-й минуте был удален наш лучший нападающий Игорь Численко. И травмированный полузащитник Иосиф Сабо хоть и оставался на поле, но только в роли «пешехода», как метко определил его возможности английский комментатор.

Не менее драматически сложились обстоятельства в нашей последней встрече с командой Португалии. Вот что я передал в газету «Ленинское знамя» после этого матча, определившего третьего призера:

«ЛОНДОН, 29 (по телефону). Наша сборная заняла четвертое место. Это, безусловно, шаг вперед, но все-таки шаг робкий для такого гиганта, каким является советский футбол. Создается впечатление, что играй мы с Португалией основным составом, и бронзовые медали чемпионата мира приехали бы в Москву. Португальцы выступали против нас именно в таком качестве, а у нас не хватило по разным причинам пяти основных игроков.

Нашу сборную вывел на поле Яшин, принявший на себя роль капитана. Вместе с ним выступали: Пономарев, Корнеев, Хурцилава, Данилов, Воронин, Сичинава, Метревели, Малофеев, Банишевский, Серебряников.

Особенно сказалось отсутствие Шестернева, отлично играющего головой. Фактически оба гола в наши ворота были следствием плохой игры Хурцилавы в воздухе. Не выдержав дуэли с Торресом за верхние мячи, Муртаз совершенно недопустимо в начале матча отыграл мяч рукой на штрафной площадке, посчитав, что центральный форвард противника находится в голевой позиции. Хурцилава забыл, что в решающих играх первенства мира всякое трюкачество недопустимо. Я убежден, что, окажись на поле Шестернев, не было бы и второго гола в наши ворота. А сквитать мы сумели лишь один после удара Метревели, когда вместе с мячом в воротах оказались португальский голкипер, защитник и кто-то из наших нападающих.

Явно, между прочим, не хватало команде во всех играх и левого крайнего нападающего. Не хочется верить, что в советском футболе невозможно найти пару центральных нападающих лучше Банишевского и Малофеева. И все же наша сборная даже в этом составе играла со всеми противниками на равных. Достаточно было немного усилить нападение, и чаша весов могла перетянуть в нашу сторону не только в матче с Португалией, но даже и в игре с ФРГ.

Свою силу мифический герой Антей черпал, соприкасаясь с родной землей. И мощь нашей сборной зависит от неразрывной связи с клубными командами и внутренним календарем. Этот принцип был нарушен при подготовке наших футболистов, и потому состав команды оказался не сильнейшим и не так сыгранным, как это требуется для решающей победы в первенстве мира.

Отец сына наказывает не за ошибки, а за их повторение. У нас повелось – после неудачи говорить о недостатках, а они через четыре года снова повторяются.

Четвертое место, подчеркиваю, шаг вперед, но ведь три первых призера шагнули явно шире нас. Последние поражения обидны. Их можно было избежать, лучше изучив европей-

ский футбол. Наша же сборная больше перенимала опыт южноамериканцев, потерпевших фиаско на чемпионате».

Итак, мы остались на четвертом месте. Остались неоправданно, потому что даже в ослабленном составе наша сборная могла успешно побороться с очень уставшей к этому времени командой Португалии. Наша линия обороны была одной из самых прочных на чемпионате, а вратари бесспорно лучшими в мире. Это избавило советскую сборную от катастроф, которые сокрушили не одну команду.

Я давно считал, что вратарь – главный игрок на поле. Пожалуй, нигде так не была подтверждена эта истина, как на первенстве мира в Англии.

Возьмем, к примеру, узловую встречу чемпионата Бразилия – Португалия в третьей подгруппе. К этому времени прошлый чемпион мира – бразильская команда была на краю пропасти, но все еще достаточно сильна, чтобы добиться победы, необходимой ей позарез. На поле выходит Пеле с больной ногой. Отступать бразильцам некуда, и они делают ставку на грозное имя лучшего форварда мира. Пеле должен вдохнуть в них уверенность, покачнувшемуся после поражения от венгров без его участия. Феола выпускает на поле еще восемь свежих игроков, и в их числе вратаря Мангу.

Португальцы тоже рвутся к победе, потому что проигрыш может уравнивать их очки не только с бразильской, но и с венгерской командой. У венгров же есть все шансы на другой день выиграть у болгар.

Бразильцы начинают матч вдохновенно, их почитатели на трибунах оживляются. Португальцев поддерживают большинство зрителей-англичан: если Бразилия проиграет – у Англии исчезнет главный конкурент.

В самый разгар игры, когда бразильцы держат инициативу, португальские защитники открывают беззастенчивую охоту на Пеле при полном равнодушии к этому английского судьи Мак-Кейта. Как только мяч попадает к Пеле, его сокрушительно атакуют в надежде, что больная коленка снова сдаст. Но лучший форвард мира каждый раз мужественно встает, и надежды на успех пока не оставляют ни его, ни партнеров.

Беда приходит совсем с другой стороны. Эйсебио проскакивает по левому краю и навешивает мяч на бразильские ворота. Вратарь Манга, словно новичок, отбивает его всего на пять шагов и прямо на голову левому крайнему португальцев Симоэсу. Удар лбом – и Бразилия начинает с центра поля.

Радостно забить первый гол, и ох как тяжело его пропустить. Вдвойне тяжело действует на игроков мяч, полученный из-за грубой ошибки вратаря. Бразильцы же не зря были дважды чемпионами мира. Они, правда, отвыкли проигрывать, но, попав в такую беду, сохранили спокойствие и выдержку. Ни одного упрека Манге, и все вперед!

Через пять минут штрафной удар справа. Верхний мяч летит почти в руки бразильскому вратарю. Манга, вместо того чтобы сделать шаг навстречу, растерянно ждет, и расторопный Эйсебио перед его носом перебрасывает мяч головой в ворота.

Игра сделана. И тут при попытке отыграться опять сбивают Пеле. На этот раз он вынужден покинуть поле, чтобы затем вернуться хромым. Коленку сокрушил чужой – Мораис, а веру в победу свой – Манга.

И вдруг исчезла грубость. Игра стала красивой, и бразильцам во второй половине удалось даже забить один гол. Чтобы выйти в четвертьфинал, нужны были еще целых два, и потому, оголив тылы, они всей командой бросаются вперед. Как птица, машущая одним крылом, не может взлететь, так и Пеле на одной ноге тщетно старался внести свою лепту в этот порыв отчаяния.

Затем разыгравшийся Эйсебио окончательно погасил всякие надежды у бразильцев, забив третий гол.

Манга тут не был виноват. Свою трагическую роль в поражении он уже сыграл в первом тайме.

А разве прекрасная команда венгров не ушла с поля боя побежденной только из-за своих вратарей? Это голкипер Сантмихаи «организовал» в свои ворота третий, решающий гол, подбросив мяч прямо под лоб португальца Аугусто.

В следующем матче венгры в блестящем стиле нанесли первое поражение самим бразильцам, но в четвертьфинале в игре с советской сборной их судьбу решил опять-таки незадачливый вратарь, теперь Гелей.

В нашей схватке с венграми драма произошла уже на третьей минуте. Защитник Данилов захотел на всякий случай прощупать чужого вратаря и средним по силе ударом послал мяч по земле с 25 метров в венгерские ворота. Гелей спокойно, встав на одно колено, поймал этот мяч и неожиданно выпустил из рук. Все дальнейшее произошло как во сне. Быстрее всех ситуацию оценил Численко. Он успел к мячу ранее ошеломленных чужих защитников и ползущего по земле с вытянутыми руками злополучного Гелей. Пусть менее очевидно, но и второй гол в венгерские ворота на 46-й минуте влетел тоже из-за попустительства вратаря, не вышедшего вовремя на перехват верхнего мяча.

Так венгерская команда, выше всех оцененная английскими СМИ, у которой была и остается масса поклонников в нашей стране, проиграла только потому, что у нее не было надежных вратарей. Не спасла ее ни блестящая победа над Бразилией, ни убедительная игра против нашей команды во второй половине встречи. Пропустить два гола просто, но отквитать их у равноценного противника – дело почти невыполнимое.

Если продолжить примеры решающих вратарских ошибок, то нельзя обойти молчанием и поражение португальцев от англичан в полуфинале. Перейра в воротах Португалии и раньше ставил свою команду в рискованные положения. Все сходило благополучно. Но вот в игре, где определялось право на финал, Перейра несколько раз опрометчиво устремлялся на мячи, летящие в 12–15 метрах от ворот, и попадал в самую гущу горячо боровшихся своих и чужих игроков. И возмездие пришло. Бобби Чарльстон подлавливает Перейру в один из таких моментов и мгновенно отправляет отскочивший от кучи игроков мяч в ворота, покинутые португальским вратарем.

Так был забит гол, утвердивший в конце концов преимущество англичан: ведь игра закончилась их победой 2:1.

И все-таки самым трагическим по своим последствиям был мазок вратаря Альбертози в последней игре итальянцев с командой КНДР. Он пропустил единственный мяч, забитый в этой встрече, буквально под мышкой. Не знаю, что заставило его падать на согнутую в локте руку. Вытяни он ее, как полагается грамотному вратарю, и ворота были бы спасены. В итоге сборная Италии проиграла КНДР 0:1 и отправилась домой. Страна, дважды бывшая чемпионом мира по футболу, отдельные клубы которой («Интернационале», «ФК Милан») признаются лучшими в футбольном мире, оказалась поверженной новичками из Азии.

Могли ли итальянские форварды отквитать гол, ошибочно пропущенный их вратарем? Они всячески старались, но им это не дали сделать сильные духом корейские футболисты, и особенно их вратарь, отразивший несколько на редкость трудных мячей.

Почему же советские вратари в Англии оказались неизмеримо выше своих зарубежных коллег? Что это, случайное совпадение или результат длительной эволюции советского футбола, где предшественниками Анзора Кавазашвили или такого замечательного вратаря, как Лев Яшин, были тоже подлинные таланты?

Я убежден, что верно второе. Этот ответ подсказала мне память.

Вратари

Вратарь занимает особое место в футболе. Он на самом важном посту в команде, это главный игрок. Если вратарь плох – проигрывает отличный ансамбль; если он играет блестяще – команда может победить более сильного противника.

Каждый вратарь способен сносно сыграть в любой линии: он умеет бить, останавливать и водить мяч. Правда, делает он это хуже полевых игроков, но зато его партнеры обычно совсем не могут заменить его в воротах, хотя ловить мяч руками, на первый взгляд, просто.

На самом деле искусство вратаря необычайно сложно. Несколько лет упорного труда должен затратить вратарь, чтобы отшлифовать техническое мастерство: броски, прыжки, падения, вскакивания, умение отбивать мяч руками и ногами, ловить его, выбивать и выбрасывать. Но и этого мало для высококлассного мастера. Он должен быть от природы одарен смелостью, решимостью, атлетическим сложением, высоким ростом. И наконец, нечего ему братья за гуж, если природа-матушка не наградила его чутьем угадывать уязвимые места в воротах, безошибочно определять мгновения и способы борьбы за мяч.

Поэтому стать незабываемым вратарем дано единицам, наиболее одаренным, неистово трудолюбивым людям, чаще всего фанатикам и энтузиастам футбола.

За 50 лет, что я провел в футболе как игрок и руководитель команды, видел немало вратарей, которые не должны уйти из истории нашего спорта. Они создали лучшую в мире школу игры в футбольных воротах.

Не сомневаюсь, что многие из них имели право стать рядом с прославленными Заморрой (Испания), Планичкой (Чехословакия), Хиденем (Австрия), то есть теми голкиперами, которых тогда знал весь мир, как сейчас знает Льва Яшина.

Чем же отличается советская вратарская школа? Почему, наблюдая игру лучших команд мира, восторгаясь мастерством Пеле, Гарринчи, ди Стефано и других корифеев футбола, всегда ловишь себя на мысли, что этим ансамблям, завоевавшим мировые короны, международные и европейские кубки, все же, пожалуй, не хватает в воротах одного из лучших представителей наших вратарей?

Даже в игре знаменитого венгра Дьюлы Грошича, несмотря на талант и мастерство, были видны технические недоработки в ловле мяча, положении ног при падении, выбрасывании мяча рукой, подмечаемые только взыскательным взглядом специалиста.

Возможно, Заморра, Планичка, Хиден и Грошич с их большим международным опытом как игроки сильнее большинства советских вратарей прошлых лет, но для меня наши играют зрительно красивей.

Возможность с детства наблюдать игру таких вратарей, как Владислав Жмельков или Лев Яшин, перенимать их технику, манеру поведения в воротах – это и есть настоящая учеба. Потому что, как известно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В этом, вероятно, и секрет того, что в Норвегии и Голландии появляются смена за сменой прекрасные конькобежцы, во Франции и Бельгии – велосипедисты, в Швеции и Финляндии – лыжники, а в Бразилии, Аргентине, Испании – виртуозные дриблеры. Им есть кому подражать, с кого брать пример.

С первых же шагов отечественного футбола нам безусловно повезло на самобитные таланты. В полную силу они расцвели на благодатной почве советского физкультурного движения и стали образцом для всех, кто потом стоял в воротах советских футбольных команд.

Я не видел русских вратарей, гремевших до Первой мировой войны, москвичей Матрина и Мартынова. Но я много говорил с людьми, игравшими с ними вместе в сборной, например с лучшим нападающим тех лет Василием Георгиевичем Житаревым, который

очень хвалил вратарей-соратников, но все же считал реформатором русской и зачинателем советской школы Николая Евграфовича Соколова.

За рубежом в первые годы после революции ничего не знали о советском футболе. Поэтому блестящее выступление Н.Е. Соколова в воротах сборной РСФСР в Швеции осенью 1923 года было для скандинавов одним из тех открытий, которыми начинала удивлять западный мир молодая Советская республика.

Много и пытливо Соколов работал над вратарской техникой, был отличным лыжником и бегуном на средние дистанции, пользовался безоговорочным авторитетом у игроков своей команды СКЗ (Спортивный клуб Замоскворечья). А там играли такие знаменитости, как Федор Селин, Павел Ноготков, Казимир Малахов, Василий Лапшин и другие. Соколов первым из наших вратарей начал выбрасывать мяч руками, первым стал требовать от своих защитников, чтобы они посылали мяч назад вратарю, первым предпочел ловить мяч не на грудь, а чуть ниже – на мягкую диафрагму. Благодаря своему влиянию в команде он мог командовать действиями защитников, подсказывать им выбор позиций и добиваться единства в механизме обороны.

Настолько филигранной была техника Н.Е. Соколова, что, по моему убеждению, встань он, прежний, в ворота нынешней команды, не посрамил бы и ее. Выше среднего роста (178 см), худощавый, хорошо координированный, Соколов играл красиво и просто, без всяких потуг на эффект и ухарство. Он предпочитал расчет, а не интуицию, хотя отказать ему в быстроте и смелости решений было нельзя.

Соколов не однажды давал нам уроки серьезного отношения к спорту. Помню, в 1922 году ехала в Петроград московская сборная. Я был вместе с Соколовым в битком набитом неплацкартном вагоне (времена-то были какие – только-только кончилась Гражданская война). Утром я увидел, что в этой тесноте Соколов собирается заниматься разминкой. Я, тогда еще мало искушенный в методике футбольных тренировок, искренне удивился.

– Ты что это, – говорю, – тут повернуться негде.

А ему высвободили в проходе местечко, и он все-таки разминку сделал.

В 1924 году Соколов уехал в Ленинград учиться в Лесной институт. Выбранной в юности профессии Николай Евграфович не изменил, до сих пор он работает лесничим на станции Разлив, близ Ленинграда. Мы переписываемся с ним время от времени, и я не могу отказать себе в удовольствии привести здесь одно из писем Николая Евграфовича – по поводу взаимного обмена марками наших внуков.

«Дорогой Николай Петрович!

Не могу не выразить тебе сердечной признательности за презент, учиненный тобой моему внуку Юре. Потрафил. Искренне выражаю благодарность и от себя и от внука. Старое старится, молодое растет. Помню, и я когда-то коллекционировал и марки и перышки; то и другое покупалось в писчебумажном магазине Леттер на бывшей Пречистенке у Зубовской площади в низочке.

Вспомнилось это, и как вереница потянулись другие воспоминания.

Старая «Девичка», место гимназических футбольных схваток, и более позднее время. Вот первые пять тысяч метров. Вот эстафета 31,5. Моим противником был Сергеев от РГО. Было очень жарко, душно.

Вот 10x1000 15 мая 1921 года. На медальке выгравировано «МКС – русский рекорд». А вот маленькая фотография с Пл. Ипполитовым и Павлом Сергеевичем Львовым. По краям Соколов Н. и Гагулин И. – старт и финиш. В середине фотографии Хайдин И., Старостин Н., Красавин И. и др. У Павла Сергеевича – фигурка – приз.

А помнишь, как мы с тобой бежали в ОЛЛС 3x1000 со старта и как метров за 300 до финиша ты долбанул мне кроссинг?

С «ёжевом» в те времена было плоховато. Питались неважно, но спортом занимались от души; задора было много.

Слежу по печати и телевизору за достижениями наших спортсменов по всем статьям. Умиляюсь победам и досаду на проигрыши.

Нашел у себя фотографию. Если такой у тебя нет, с удовольствием ее тебе вручаю. Это, должно быть, 1927 год, Германия, Дрезден. Как будто так.

Сознаюсь, хулы достоин, на письма я скуповат. Не всегда отвечаю моему милому другу Петру Артемьеву и другим близким моему сердцу старым друзьям. Вот и тебе, дорогой мой Коля, пишу с большим опозданием.

Каюсь. Грешен. Прости.

Желаю доброго здоровья

целую Соколов.

Разлив. 30 марта 1966 года».

Появление Соколова в воротах ленинградской сборной значительно укрепило тылы этой команды и позволило основным противникам москвичей выиграть у них несколько встреч. В весенней встрече 1928 года в Ленинграде сборная Москвы проиграла потому, что «чародей Н. Соколов, – так писала местная газета, – четыре раза отразил удары вышедшего на него один на один нападающего Н. Старостина». Это была сущая истина, без столь частых в футбольных отчетах прикрас.

Наберусь храбрости откровенно рассказать, что случилось после этого матча.

Мы с Николаем Соколовым были друзьями, хотя играли в разных клубах и на поле встречались как соперники. К тому же мы противостояли друг другу: я был форвардом, беспрерывно атакующим вратарей, а он вратарь, который отнимал у меня мою добычу. За мяч же я всегда дрался горячо и, чего скрывать, вратарям покою не давал. Шел на столкновения с ними, как говорят футболисты, действовал в тело.

После матча, в котором Соколов взял у меня четыре мяча, я, терзаясь мыслью, что подвел команду, места себе не находил, слонялся по коридорам «Европейской» гостиницы, где всегда останавливалась московская сборная.

После матча Соколов наведился в «Европейскую», в номер к Селину. Он был старым и самым нежным другом Федора Селина, хотя они сильно различались: Николай – сплошная выдержка, безукоризненная дисциплинированность, умница, а Федор – порывистый, способный на любые чудачества, водил дружбу со всеми, его душа и кошелек были открыты для каждого. Потребность излить душу загнала и меня туда же. В комнате горячо обсуждалась игра. Видимо как-то желая меня утешить, Соколов сказал:

– Николай, я думал, ты меня расшибешь, когда я под тебя бросился, но, к счастью, ты удачно перепрыгнул.

Взглянув в его счастливое лицо, я не сдержался:

– Ну, знаешь, в следующий раз я перепрыгивать не буду.

Соколов опешил.

– Федя, ты слышишь, что он говорит? Н-нет, ты слышишь? – От волнения он начал заикаться. – Это же безобразие!..

И ко мне:

– Т-ты, интеллигентный человек, и ради какого-то гола готов своему другу руки переломать...

Но я закусил удила:

– Понимай как хочешь... – И вышел в коридор.

Не знаю, вспоминали ли Соколов когда-либо об этом инциденте, а у меня он из головы не выходил. Именно тогда я понял, что пресловутое «цель оправдывает средства» несовместимо с духом братства, которым пронизан спорт.

Чувство товарищества быстро стерло нашу размолвку. Не раз еще Николай отбивал и пропускал мячи, посланные мною. Но думаю, что ленинградцы вряд ли обижались на своего вратаря, хотя на Первой спартакиаде народов СССР и проиграли полуфинал московской сборной команде 3:5. Не было претензий и у москвичей к своему новому вратарю Михаилу Леонову – ученику Соколова. Действовал он в Соколовских принципах, но от природы был одарен большей силой и страстью к силовым схваткам с противником в борьбе за мяч. Мне всегда казалось, что из него вышел бы неплохой боксер ближнего боя, такой как известный в то время Яков Браун. Не зря за Леоновым, выросшим на Девичьем поле, ходила слава одного из лучших кулачных бойцов. Тогда еще существовали драки стенка на стенку зимой на льду Москвы-реки, где Леонов защищал интересы Дорогомиллова против Красной Пресни.

Как у большинства физически сильных людей, у Леонова был добрый и открытый характер. На его широком, монгольского типа лице всегда держалась улыбка. Но в игре обычно веселый взгляд становился пристальным и строгим.

Он дублировал Соколова в клубной команде, и нет ничего удивительного, что усвоил привычки своего наставника. Однако манера игры у него была своя, отличная от соколовской. Там, где Николай Евграфович предпочитал выжидать, надеясь на ошибку противника, Леонов стремительно вступал в борьбу, вызывая чужих нападающих на спешку и неточности. Соколов неохотно покидал ворота, а Леонов, предвосхищая игру Планички, легко перемещался по всей штрафной площадке, давал острастку самым агрессивным форвардам. Соколов на все реагировал, вытянувшись в струну, Леонов стоял с поджатыми руками, собранный в мускулистый комок.

Его игра не была такой стабильной, как у Соколова, но в память врезались незабываемые моменты, поражавшие азартом и силой.

В октябре 1928 года сборная Москвы выступала в Вене против сборной Австрии. Это была пора расцвета австрийского футбола, в нем блистали такие звезды, как вратарь Хиден, центрфорвард Синделяр, инсайд Шаль, левый край Весели и другие. Сборную Австрии в те годы справедливо называли «вундер-тим» (чудо-команда), ведь она разбила в Вене со счетом 3:0 победителей Парижской олимпиады 1928 года – сборную Уругвая. Конечно, эти футболисты против нас не играли. Но молодежь, с которой пришлось сражаться нам, в дальнейшем стала оплотом таких лучших профессиональных клубов, как «Атмира», «Рапид», «Аустрия».

Мы появились в Вене впервые, и потому посмотреть на русских на стадионе «Рапид» собралось много народу. Все считали, что приехали провинциалы и сейчас им покажут...

Футбол в Австрии был трех видов: профессиональный, буржуазный и рабочий. Первый – мирового класса. Вторым считался рабочий футбол, выходцы из которого составляли когорту профессионалов. На матч с нами мобилизовали кое-кого из таких мастеров, и среди них именитого Рейтерера, исключенного из «Рапида» за нарушение режима. Этот здоровый и веселый парень считался одним из лучших полузащитников Австрии. Все ждали от него чудес, и действительно, первые полчаса Рейтерер показывал высокую технику. Да и не он один. Пока у австрийцев было много сил, они хозяйничали на центре поля и на подступах к нашей штрафной. Но дальше этого дело не шло, самую штрафную площадку железно оберегала наша защита. Угрозы издалека гасил бывший в особом ударе Леонов.

Вначале зрители аплодировали лишь своим, но затем настроение на трибунах стало меняться. Быстрота и азарт всегда находят отклик, а этих качеств нам было не занимать. А мы еще на разминке завоевали симпатии австрийцев, когда Рущинский ударил издалека, и мяч с силой влетел под штангу. Затем уже в игре Федор Селин не раз срывал аплодисменты одному

ему доступными трюками. Конечно, австрийцы многое умели, в частности, они показали нам свою знаменитую кружевную игру, о которой до того мы знали лишь по газетам. А тут еще у сборной Москвы начались иного рода трудности. Внезапно был травмирован Канунников. Его заменил Сергей Иванов. Вся наша центровая тройка в эти трудные минуты работала в защите. Где-то у средней линии плассировались в ожидании мяча только два края – я и Холин. Неожиданно Исаков, как у нас с ним было наиграно в клубе, направил мяч мне через головы защитников. Я на скорости сразу оторвался от них. Почувствовав, что погоня опаздывает, влетаю с мячом в штрафную площадку, замахиваюсь на удар правой ногой и вторым зрением вижу, что на меня выбрасывается вратарь. В голове мелькает мысль: «Как бы его не разбить». Обстановка обязывает действовать решительно. И вдруг, вместо того чтобы броситься на мяч руками, как это практикуют советские вратари, австриец откинулся корпусом назад и прыгнул двумя ногами вперед. Я успел ударить по мячу, он попал вратарю в плечо и рикошетом от штанги ушел на угловой. Вместе с горечью неудачи чувствую, что моя правая ступня вроде бы оторвалась вслед за мячом. Боли нет. Лежа, взглянул: нога тут, цела и бутса, но я ими не управляю. Перелом.

Руководителем команды был В.А. Рябоконт. Он уже бежал ко мне. Тут же подали носилки, чтобы отправить меня в больницу. Я прошу: дайте досмотреть! Наложили шину, перевязали, носилки поставили у бровки поля.

Вместо меня в нападение перешел Леута, а хавбека стал играть Никишин. Во втором тайме был выбит и Станислав Леута, тоже при столкновении с вратарем.

И снова из-за неразберихи в правилах: у нас на голкиперов не нападали, в Европе это практиковалось, если страж ворот был с мячом.

На поле появился наш последний запасной – Иван Филиппов. В роли правого края ему предстояло доказать, что советские вратари умеют действовать не только в воротах.

А сражение шло своим чередом. За полчаса до конца матча к нашим воротам выскочил чужой левый крайний. В момент прицела на удар мой брат Александр неосмотрительно сбил его. Пенальти!

Кто будет бить? Видим, разбегается метров с двадцати пяти правый защитник Принц, небольшого роста, коренастый, и пускает мяч с носка на высоте в полметра под правую руку Леонову. Удар был очень сильным, но наш вратарь отвел мяч на угловой.

Удача вдохнула в нас новые силы, да и австрийцы заметно устали. Инициатива медленно переходила к нам. На 70-й минуте в верхний угол чужих ворот неожиданно, как из винтовки, выстрелил Владимир Блинков. Прыжок вратаря был эффектен, однако мяч вошел в самую девятку. Не знаю, разбился австриец о штангу или симулировал, но его унесли, и в ворота встал другой голкипер. Счет 1:0 в нашу пользу.

За минуту до финального свистка проход по краю Александра Холина с последующим прострелом вдоль ворот завершился вторым голом. Он стоит того, чтобы о нем рассказать.

Дело в том, что Филиппов из-за травмы был вынужден покинуть поле и присоединиться к разместившимся на носилках. Хрупкое преимущество в один гол ставило под сомнение нашу победу, которую старались удержать теперь десять игроков. Мое сердце обливалось кровью, и я взмолился, обращаясь к Леуте, пострадавшему меньше всех из нас:

– Стася, если можешь, хоть на полтора ногах выйди на поле. Даже еле двигаясь, ты отвлечешь на себя кое-кого из австрийцев.

И Леута, который на другой день не мог приподняться в постели, вышел на поле. И забинтованной ногой забил гол, после которого у хозяев поля не осталось надежд на победу.

Через день команда уехала играть в другие города, а мы с Леутой остались в Вене. Времени на размышления было в избытке. Невольно напрашивалось сравнение между Николаем Соколовым и австрийским вратарем, сломавшим мне ногу за здорово живешь. Соколов

никогда бы не сделал ничего подобного, и он был прав, пристыдив меня в «Европейской» гостинице за мою вспыльчивость.

Футбольное подвижничество Михаила Леонова длилось не более пяти лет. Ежедневные тяжелые тренировки приходилось проводить после полного рабочего дня на производстве, поэтому с возрастом появилось желание сменить беспокойную должность стража ворот на уютное место в служебной ложе.

В воротах сборной Москвы появился Иван Филиппов. Среди «могучей кучки» московских вратарей он выделялся не только мастерством, но и безоглядной преданностью футболу. Он выступал в клубе «Красная Пресня» (потом «Пищевик»). Это был основной конкурент той команды, где подвизался Н. Соколов. Нет ничего удивительного, что Иван Филиппов из чувства соперничества особенно остро схватил технику Соколова и усвоил его приемы. Та же своеобразная красота в прыжках, те же элегантность и внутреннее достоинство во всех разнородных перипетиях игры, то же стремление сначала анализировать, а затем действовать.

Карьера Филиппова была короткой – тяжелое повреждение ноги (мениска) прервало ее. Правда, он продолжал еще сезона два-три выступать за свой клуб с перебинтованной коленкой. Но операцию на мениске тогда делать не умели, и ему пришлось оставить футбольное поле. Филиппов стал начальником созданной в 1936 году футбольной команды мастеров московского «Спартака». Здесь он оставался до 1941 года, когда добровольцем ушел на фронт. Сейчас Иван Михайлович живет и работает в Верхней Тавде Свердловской области.

На смену Филиппову в сборную Москвы пришел неизвестный до того вратарь из Орехово-Зуева Иван Рыжов. Знаменательно, что в те же годы в Орехове появился еще один вратарь – Николай Савинцев, уехавший вскоре в Ленинград и заменивший там Соколова. Среднего роста (174 см), с фигурой гимнаста, Николай Савинцев был необычайно подвижен. Он принимал и осуществлял свои решения мгновенно. Игра его была фейерверком прыжков, падений, вскакиваний и рывков. Все в нем было красиво, но играл он рискованно. «Беспрерывный танец на лезвии ножа», – говаривал о нем лучший аналитик футбола, знаменитый в прошлом центральный нападающий сборной Союза Петр Ефимович Исаков.

Савинцев промелькнул в большом футболе, как яркий метеор, играл он всего два-три сезона. Думаю, потому, что его незаурядные способности не могли развиваться сами собой, а требовали особого трудолюбия на тренировках и железного режима. У него на это не хватало ни терпения, ни характера.

Иван Рыжов был из другого теста. Высокий (180 см) и сильный, он много и упорно работал над собой, постепенно вырастая в спокойного, очень прыгучего и техничного хозяина футбольных ворот. Простой, скромный и отзывчивый, он пользовался особой любовью и в нашей команде, куда он пришел в расцвете сил в 1930 году, и в сборной столицы. В течение пяти-шести лет Иван Рыжов выступал надежно и ровно, во многих международных встречах демонстрировал изысканную школу советских вратарей.

У Ивана Рыжова были достойные конкуренты, и среди них украинские голкиперы Александр Бабкин из Харькова и киевлянин Антон Идзковский. Эти мастера воспитывались на примере Романа Норова и Серафима Москвина, долгие годы до этого защищавших ворота сборной Украины. Они с полным правом и не без блеска конкурировали с лучшими вратарями Москвы и Ленинграда.

Первый из них, Роман Норов, начал выступать в Николаеве, а затем перешел в харьковский «Штурм» и особенно отличился в 1924 году, когда сборная Харькова неожиданно, но заслуженно выиграла звание лучшей команды страны. По стилю Норов заметно отличался от своих российских коллег. Он меньше падал, предпочитая стоя угадывать, куда будет

нанесен удар. Редко покидал ворота, в случае необходимости бороться с форвардом один на один отбивал мяч ногой, чего почти никогда не делали москвичи.

Целое десятилетие гремело имя Романа Норова на Украине, и отдельные приемы его игры, безусловно, были взяты на вооружение Бабкиным и Идзковским. Но в целом их вратарская техника сложилась под влиянием московской школы, представителей которой они видели не раз.

Распространению этой манеры вратарского мастерства способствовал и молодой москвич Серафим Москвин, переехавший в Одессу и заменивший затем Норова в воротах сборной Украины.

В Москве Серафим не успел развернуть своего дарования, зато оно необычайно быстро расцвело в Одессе, и уже через два года о нем много и заслуженно говорили по всей стране. Изящный и техничный, он провел не одно волнительное выступление, хотя настоящей стабильности в игре так и не добился. Легковесной комплекции, он всегда попадал в трудное положение в схватках за высокие мячи и довольно скоро из-за травмы спины вышел из строя. По выздоровлении он уже не сумел конкурировать с Бабкиным и Идзковским.

В 1932 году сборная команда СССР направлялась в Турцию. В ее составе вторым вратарем был Валентин Гранаткин, а первым – Антон Идзковский. Мы знали, что он присоединится к нам в Киеве, но он к поезду не явился. Положение было безвыходным: по расписанию мы только-только успевали на пароход в Одессе, и руководители сборной послали телеграмму в Харьков с просьбой командировать своего лучшего вратаря. Так Бабкин оказался на другой день на борту парохода «Чичерин», которым мы отбывали в Стамбул.

В первой встрече с турками в наши ворота встал Гранаткин, а новичок харьковчанин скромно сел на скамейке запасных. Игра началась для нас неудачно. Мы проигрывали 0:2, и в середине тайма стало ясно, что наш травмированный вратарь не в состоянии продолжать игру. Я, как капитан команды, дал знак Бабкину заменить Гранаткина. Сознаюсь, я шел на это с большой тревогой.

Вскоре мы отквитали один гол, на что турки ответили яростным штурмом. И вот тут-то харьковчанин показал себя во всем блеске. Непринужденно и мастерски выходил он из труднейших ситуаций у своих ворот, легко справлялся с мячами, идущими, казалось, в самую цель.

Бабкин ошеломил турецких нападающих, да и мы сами были удивлены.

Уверовав в своего вратаря, который в перерыве весело разглагольствовал в раздевалке, мы во второй половине почти всей командой кинулись в атаку, но долго счет 1:2 грозил нам поражением. Лишь за 8 минут до конца Сергей Ильин (№ 11), заменивший Валентина Прокофьева, уравнил результат. А Бабкин и в этом тайме взял несколько труднейших мячей.

На другой день стамбульская пресса восторженно отозвалась об игре Александра. Его имя сразу стало известно всем советским болельщикам, тем более что три следующих игры в Турции мы выиграли во многом с его помощью.

Внезапная слава довольно своеобразно отразилась на судьбе этого талантливое вратаря. Вскоре после возвращения домой его избрали одним из секретарей горкома комсомола, а примерно через год Александр Бабкин занял пост председателя городского комитета физкультуры и спорта. Обязанности председателя не позволяли ему до конца отдаться футболу, и, проиграв еще один сезон, Бабкин постепенно потерял свою спортивную форму. Угасла и популярность, взрывной волной прокатившаяся от Стамбула до Москвы. А жаль! Этот самородок-вратарь мог бы многое сделать для приумножения славы и мастерства советских голкиперов.

Антон Идзковский добился общего признания по-иному. Этот разносторонний спортсмен, последователь методов Соколова, годами шлифовал свою технику. Вдумчивый и упор-

ный, он прочно владел всеми элементами вратарского мастерства, и потому игра его была очень стабильной.

Не менее 10 лет Идзковский как вратарь был вне конкуренции на Украине. Сейчас он главный тренер Украинской федерации футбола, растит новых отличных вратарей.

А как обстояли дела в 30-х годах в Москве и Ленинграде?

Столица уповала на Валентина Гранаткина, который сначала снискал себе громкое имя в хоккее с мячом. Хорошо сложенный, прыгучий, он легко и просто расправлялся со всеми верхними мячами. Большая спортивная культура делала его лучшим представителем национальной сборной. Его энтузиазм, выдержка и дисциплина всегда ставились в пример.

Характерен такой случай. Гранаткин играл за сборную Москвы против сборной Ленинграда. Задолго до финального свистка он сломал себе палец на руке, бросившись под удар форварда Т. Аксенова, но не покинул поле до победного конца.

В Ленинграде в это время выше всех считался Георгий Шорец. Рано попав в команду мастеров, он быстро превратился в отличного вратаря. Шорец не был реформатором, но все, что он делал в воротах, было по-настоящему мастерски. Спокойный и смелый, он не раз приносил победы команде «Динамо», которая в те годы достойно представляла Ленинград и защищала цвета Северной столицы против пяти мощных московских команд.

Все вратари, о которых я рассказал, учились, росли и совершенствовались свое мастерство в играх на первенство своих городов. Ведь тогда не существовало всесоюзного футбольного календаря. Опыта они набирались лишь в международных играх или в редких матчевых встречах четырех городов – Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова. Правда, некоторые – Гранаткин, Шорец, Идзковский – успели сыграть сезон-другой и в первенстве СССР, введенном с 1936 года. Но к этому времени в советском футболе появилась плеяда новых вратарей, с которыми им уже по возрасту соперничать было трудно.

Я что-то не припомню, чтобы когда-нибудь потом в нашем футболе появилось сразу такое созвездие вратарских талантов, как в 1937–1938 годах: Владислав Жмельков, Анатолий Акимов, Евгений Фокин, Владимир Никаноров, Николай Разумовский (все Москва), Виктор Набутов (Ленинград), Александр Дорохов (Тбилиси), Николай Трусевич (Одесса – Киев).

Беру на себя смелость утверждать, что среди блистательных талантов того времени совершенно особняком стоит Владислав Жмельков.

В моей памяти Владислав Жмельков остался как вратарь почти сказочный, вратарь без слабых сторон. Это не умозрительное заключение. За полтора года пребывания в «Спартаке» он отразил все одиннадцатиметровые удары, назначенные в его ворота. Среди них был пенальти-кик, назначенный «Спартаку» за семь минут до конца кубковой игры при счете 0:0. В сезоне 1939 года Жмельков, чередуясь в играх с Акимовым, пропустил в свои ворота всего семь мячей.

Высокий (180 см), сухощавый, физически сильный, пружинистый и уверенный в себе, Жмельков вопреки обычным воплям вратарей «Не давайте бить!» не раз покрикивал своему главному партнеру Андрею Старостину (№ 3): «Да пропустите его, Андрей Петрович! Пусть пробьет...»

Вот и представьте, как действовали эти слова на защитников и как такая уверенность отражалась на чужих форвардах.

Жмельков делал все образцово: одинаково безупречно играл внизу и вверху, тонко угадывал место в воротах и безошибочно сражался «на выходах». Его популярность принесла ему медаль «Лучшему спортсмену года», учрежденную газетой «Красный спорт». А ведь в 1939 году в опросе, проведенном газетой среди читателей, фигурировали имена Михаила Ботвинника, боксера Николая Королева и других наших знаменитостей.

В чем же секрет мастерства Жмелькова? Думаю – помимо природного таланта, в феноменальном трудолюбии. Он тренировался в воротах по пять-шесть часов ежедневно. Он молился в то время одному богу – футбольному мячу (в дальнейшем, к несчастью, у него появились другие кумиры).

Владислав отлично играл и в поле – правого защитника. Такой редкой способностью совместительства на моей памяти владел только правый защитник (1922–1924 гг.) Василий Степанович Лапшин. В те годы он успешно соревновался за право занимать место в воротах московской сборной с самим Николаем Евграфовичем Соколовым.

Интересно, как очутился в «Спартаке» Жмельков и как он от нас ушел.

В 1937 году в армию был призван спартаковский вратарь Анатолий Акимов, оказавшийся поэтому в воротах московского «Динамо». А в московский «Спартак» перешел оттуда обиженный вратарь динамовцев Александр Квасников. Мы ему в дублиеры искали молодого вратаря. В связи с этим кто-то из наших игроков вспомнил, что против них в товарищеской встрече на юге прошлой осенью подкупающе легко сыграл молодой паренек из подмосковного городка Подлипки. Его решили срочно разыскать. И он явился в городской совет «Спартака». На мой вопрос, вратарь ли он из Подлипок и как его фамилия, он ответил утвердительно и назвался Кузнецовым. Я направил его на сбор в Одессу и вскоре получил сообщение от начальника команды Ивана Михайловича Филиппова, что особыми достоинствами присланный мною Кузнецов не блещет. Это подтвердилось в товарищеских играх, и «Спартак» расстался через месяц с Кузнецовым, считая версию о подлипковском вратаре очередной футбольной басней.

Однако в мае в «Спартаке» появился другой юноша и осведомился, верно ли, что мы искали вратаря из Подлипок. Я на этот раз был более осмотрительным и проэкзаменовал пришельца – подробно расспросил о товарищеской игре на юге.

– Кузнецов был моим дублером в подлипковской команде. А играл против «Спартака» я, Жмельков, – как-то очень просто сказал мой собеседник.

Хорошо, что в тот счастливый для «Спартака» день я сразу поверил Жмелькову и послал его к Филиппову. Так началось его восхождение на вратарский пик.

Полтора сезона, с августа 1938 по ноябрь 1939 года, играл он в московском «Спартаке». Эти месяцы принесли ему немеркнущую и по сей день славу, а его команде – почетный дубль (выигрыш первенства страны и кубка) два года подряд.

Последние выступления Жмелькова совпали с событием, которому нет равного в истории футбола.

Московский «Спартак» в 1939 году упорно стремился повторить прошлогодний результат – выиграть кубок и первенство страны – и тем самым добиться триумфа, дотоле небывалого в советском спорте: два года подряд сделать дубль. К началу сентября команда была близка к этому. Мы лидировали в чемпионате с запасом в три очка и вышли в полуфинал кубка, где нашим противником оказалось тбилиское «Динамо».

И вот 8 сентября два главных претендента на приз скрестили оружие в Москве на стадионе «Динамо» при судействе ленинградца Ивана Горелкина, в прошлом знаменитого хоккеиста и видного футболиста.

Матч сложился на редкость напряженно, но играли корректно: между спартаковцами и тбилискими динамовцами всегда были и сейчас остаются по-настоящему дружеские отношения.

Обе команды играли выше всяких похвал, защита и вратари тут и там казались непробиваемыми. И вдруг темпераментный Шота Шавгулидзе (№ 2) срезает мяч свечкой на свои ворота, к самой верхней перекладине.

К неожиданному подарку одновременно устремились два московских нападающих – Виктор Семенов и Алексей Соколов, мастаки играть головой. Рванул к мячу и тбилиский

вратарь Александр Дорохов. Все трое одновременно зависли в воздухе в высоких прыжках. Дорохов сумел руками отбить мяч, но всего метров на десять и прямо на ногу спартаковцу Андрею Протасову. Удар. Мяч влетел в ворота, но сетки не коснулся, так как Шавгулидзе, ворвавшись сбоку, прямо с воздуха вывернул мяч в поле. За мгновение до этого судья дал свисток на взятие ворот, и его помощник флагом также зафиксировал гол.

Динамо́вцы кинулись к арбитру. Допускаю, что многие из них искренне верили, будто гола не было. Все случилось так быстро, что положение мяча могли видеть далеко не все.

Судья решительно указал на центр, и «Спартак» выиграл этот тяжелый полуфинал.

Сразу последовал официальный протест тбилисцев, но во всех спортивных инстанциях он был категорически отклонен. Во всем мире действует закон, по которому лишь одному судье на поле дано право устанавливать: был или не был забит гол. Здесь же и сам судья, и его помощник твердо заявляли, что ясно видели, как мяч минимум на полметра пересек линию ворот в воздухе и уж потом был выбит защитником.

Через неделю «Спартак» играл в финале кубка с ленинградским «Зенитом» и победил 3:1.

Все, казалось, шло отлично. Правда, радость победы омрачила дисквалификация Алексея Соколова. Спартаковец грязной рукой потрепал по подбородку ленинградца Шелагина, а судья милостиво промолчал. Команды играли в дождь, Соколов упал в лужу, вскочил, стогряча хотел было куда энергичнее рассчитаться с обидчиком, но вовремя спохватился.

Прошло несколько дней, и «Спартак» вышел на то же поле для очередной встречи с ЦДКА. Успокоенные и расхваленные, спартаковцы проиграли 0:1. Тут еще и счастье отвернулось от своих любимцев: Андрею Старостину сломали руку, а Константина Малинина удалили с поля вместе с его подопечным Петром Щербатенко за обмен малопривлекательными любезностями.

Положение команды стало зыбким. Ждем других результатов тура. Вдруг узнаем, что в Тбилиси не состоялась игра с «Металлургом» и что тбилисские динамовцы срочно выехали в Москву.

На другой день от грузинских футболистов на стадионе «Динамо» болельщики услышали, что те приехали переигрывать полуфинал кубка.

Мы не верили. Как можно переиграть полуфинал, когда уже разыгран финал и кубок торжественно в присутствии 60 тысяч зрителей вручен победителю?!

Сомнения рассеял председатель Всесоюзного комитета физкультуры и спорта В.В. Снегов, официально известив, что получено указание полуфинал переиграть.

Теперь уже наши попытки протестовать были категорически отклонены. «Если вы действительно сильнее, то выиграете еще раз» – так ответили нам.

Об этом событии в книге М. Мержанова «Играет «Спартак» (изд. 1963 г.) написано кратко:

«Нарушая все положения, писанные и неписанные законы, наконец в полном противоречии с логикой, руководящие футбольные организации удовлетворили протест и постановили после финального матча переиграть... полуфинальный».

Переигровка была назначена на 30 сентября. Пять дней, оставшиеся до нее, прошли в ожесточенных спорах об условиях этого небывалого матча.

Мы настаивали прежде всего на своем праве выставить старый состав, то есть разрешить играть дисквалифицированным Соколову и Малинину. Об Андрее речи не было, его рука, закованная в гипс, покоилась на повязке. Именно поэтому после яростных дебатов полузащитнику Малинину играть разрешили, а нападающему Соколову нет.

Затем зашел в тупик вопрос о судьях. Одна за другой отвергались кандидатуры, выдвигаемые то «Спартаком», то «Динамо». Тогда каждой стороне предложили в закрытом конверте назвать 10 жрецов Фемиды. Надеялись, что, может быть, обнаружится хотя бы одна

кандидатура, приемлемая для обоих противников. Но когда конверты вскрыли, в них оказались 20 разных фамилий. После еще нескольких бесплодных попыток прийти к единому решению судьей матча приказным порядком был назначен ленинградец Николай Харитонович Усов. Человек принципиальный, коммунист, военный инженер, футболист, проигравший сам добрый десяток лет, он безусловно судил ответственные игры.

Команды вышли на поле в следующих составах.

«Спартак»: Акимов (сегодня его очередь играть), Соколов Виктор, Малинин, Соколов Василий, Артемьев, Тучков, Протасов, Глазков, Семенов, Степанов и Корнилов.

«Динамо»: Дорохов, Шавгулидзе, Фролов, Гагуа, Джорбинадзе, Челидзе, Джеджежава, Бердзенишвили, Пайчадзе, Бережной и Харбедея.

Игра началась азартными атаками тбилисцев, понимавших, что перестроенной защите «Спартака» нельзя давать время на сыгровку. Расчет был верный, но в воротах москвичей стоял Акимов. Град ударов он парировал с присущей ему легкостью и уверенностью.

Штурм продолжался. И вот Пайчадзе ударил в правую девятку. Такие мячи не берутся, если вратаря чудом не занесет именно в этот угол. Анатолий там и оказался. Было от чего гостям прийти в смятение. Каждая армия сильна своим тылом, а тут этакий дьявол в спартаковских воротах...

Атмосфера накалялась. Трибуны, на девять десятых набитые москвичами, поддерживали своих. Я сидел на низенькой скамеечке за нашими воротами рядом со Жмельковым. Владислав сочувственно поглядывал, как я выдираю траву целыми пучками.

Клокотало в душах и у тех, кто был на поле: спартаковцы вышли отстаивать свое право на кубок. Борьба за справедливость приехали и тбилисцы: их мало интересовали формальности и штабные уловки. Они бойцы, их задача – выложить все силы, до конца постоять за родной клуб. Вот почему на поле не было плохих игроков, все двадцать два делали больше, чем от каждого ожидали.

Я не верю в заранее разработанные тактические тонкости. Но кое-что принципиальное подсказать игроку можно и нужно. Вряд ли уместно учить футболиста, что следует делать на поле. Практичнее посоветовать ему, чего он должен избегать.

Мы знали, что левый хавбек Челидзе часто рвется вперед, и рекомендовали правому инсайду Георгию Глазкову не преследовать его, как тогда было принято, а оставаться на передней линии атаки: грузинский полузащитник не мог в такой степени грозить чужим воротам, как обладающий превосходным ударом спартаковский бомбардир Глазков.

Подсказы смахивают на лотерею. Но на этот раз билет выиграл. В одну из тбилисских атак Жорж, оставаясь в центре поля, получил мяч. Дорога к воротам на мгновение оказалась открытой, остальное решали самообладание и техника. Преследуемый по пятам, он нанес удар сразу, как вошел в штрафную, и мяч, словно крупная щука, забился в сетку у дальней штанги ворот.

Вместо того чтобы разобраться, почему это произошло, южане со свойственным им нетерпением сразу кинулись отыгрываться. Снова защитники и Акимов подверглись суровому экзамену. И опять они ответили отлично по всем предъявленным билетам футбольной науки. Передача Глазкову, и вот по знакомой дорожке он мчится с мячом к воротам Дорохова, безукоризненно бьет.

Больше я не рву траву. «Ведь нет же, – думаю, – сейчас у нас в стране команды, способной вырвать у «Спартака» победу, проигрывая 0:2». И представьте, я чуть было не ошибся. Тогдашний тренер тбилисского «Динамо» Михаил Павлович Бутусов появился у своих ворот и что-то громко и выразительно прокричал Челидзе, показывая пальцем на Жоржа. Я понял, что наша ставка на Глазкова в дальнейшем будет бита. Как и следовало ожидать, грузины пошли ва-банк и наконец сорвали и свой куш в этой азартной игре. Мяч влетел в наши ворота после того, как два спартаковских защитника в волнении кинулись к нему и помешали друг

другу. Мгновенно последовала тонкая передача, и после удара Бориса Пайчадзе мяч оказался в сетке.

К перерыву счет 2:1, а это значит, что колода карт перетасовывается заново.

Что делать? Ворота на замок, пытаться удержать минимальное преимущество в счете? Нет, решаем штурмовать. За это все в раздевалке – и маститые ветераны, и тренеры, и, главное, сами игроки. Не сомневаемся, что и тбилисцы будут рваться вперед.

Немного перестраиваем тактику: решаем наступать флангами, они свежее, да и противник больше ждет атак по центру.

Сразу нажим с обеих сторон. Но горячие гости действуют рискованней и отвоевывают центр поля.

На первый взгляд это удача, но в ней таится опасность прозевать чужой прорыв в оголенные тылы. Это улавливает В. Степанов. Весь вложившись в удар, сильно и точно он направляет мяч левому краю, Павлу Корнилову. Сейчас все решит скорость, а в ней у великолепно сложенного Корнилова нет соперников. С замиранием сердца слежу, как он выиграл первую гонку у Шавгулидзе и, прокинув мяч внутрь поля, соревнуется в беге с Гагуа. Вот уж и второй защитник позади. Перед Корниловым один вратарь. Вижу, тот стремительно бежит на москвича, но Павел обводит и последнюю опору южан. В безвыходном положении Дорохов лежа хватается спартаковца за ногу и валит на землю.

Свисток. Усов показывает на отметку одиннадцатиметрового удара. Корнилов все еще на земле: на всякий случай демонстрирует, что высшая мера наказания справедлива.

К мячу идет безошибочный пенальтист Георгий Глазков. Он в приподнятом настроении после двух забитых голов. Нет на стадионе человека, который сомневался бы в исходе пенальти-кика. Вероятно, убежден в этом и сам Дорохов, потому что решает пойти на риск. Вопреки правилу – ждать и смотреть – он в момент удара стремительно летит в правый нижний угол, куда обычно бьет Глазков. Но на этот раз мяч попал в самый центр ворот, где за долю секунды до этого стоял Дорохов. Что это – маневр? Нет, срезка – Глазков вспахал ногою землю. Итак, ошиблись оба, но вратарь промахнулся первым, и счет стал 3:1.

А грузины опять треплют нервы. Их энергия неиссякаема. Хоть бы скорее ползли эти проклятые медлительные минуты! Бутусову же, вероятно, кажется, что время летит чрезмерно быстро.

Тбилисцы отчаянно наступают, вся их команда на спартаковской половине поля. Но зато и наша тоже вся здесь.

Последние четверть часа. Все сбилось в одну кучу. Забыта тактика, а порой и техника. С одной стороны навал, с другой – отбой. Нападающий Степанов сражается у самых ворот сзади центрального полузащитника Малинина. Динамовские беки атакуют впереди своих форвардов.

Обычно такая неразбериха бесплодна. Но в этом историческом матче сама судьба захотела быть объективной и справедливой. За ошибку Дорохова при пенальти она отплатила ошибкой кого-то из наших игроков. Несчастный неосмотрительно остановил мяч на вратарской площадке и мгновенно вместе с мячом оказался втиснутым в ворота. Гол забил Бережной (№ 10). К тому же получил повреждение Акимов, его уносят. И какое счастье, что в ворота встает не заурядный дублер, а сам Владислав Жмельков!

3:2 – и несколько минут до финального свистка. Мне кажется – ах, много; Бутусову – ох, мало. Прав был он – это оказалось мало. Во-первых, потому, что наши противники изнемогли одинаково с нами, а в футбольном цейтноте всегда легче защищаться, чем объявить шах королю. Во-вторых, грузинских футболистов доконали психологические удары. Не так то просто беспрерывно отыгрываться, да еще с разницей в два гола.

Последний свисток. Победа наша! Кое-кто даже плакал, уходя с поля. Спартаконцы старались ободрить, утешить проигравших. Но радость, откровенно сиявшая на лицах победителей, вряд ли способствовала успокоению побежденных.

Тридцать лет без малого прошло со дня этой неправомерной схватки, но подробности ее свежи и ярки в моей памяти. И если до нее мы в команде говорили о достойном футболисте: «Он играл с басками», то теперь высшей похвалой стало: «Он участвовал в переигровке с тбилисцами».

Что было бы, если бы «Спартак» тогда проиграл, мы так и не узнали...

Через месяц мы сравнительно легко взяли верх над тбилиским «Динамо» во втором круге первенства со счетом 3:0. Передрыга с переигровкой тяжело отразилась на нервах южан. Помог нам и снежок, внезапно покрывший поле перед последним матчем.

А Владислав Жмельков тоже вскоре перенес много волнений и надолго выбыл из московского «Спартака».

Блеск его игры разжег зависть в сердцах конкурентов. Всем хотелось заполучить себе эту звезду. И вот в ЦДКА выискали, что Жмельков не дослужил двух месяцев в Белорусском военном округе. На этом основании он был снова призван и ввиду категорического отказа выступать за ЦДКА оказался в воинской части в Чите. Здесь весной 1940 года в соревнованиях он получил тяжелую травму колена.

После окончания войны 32-летний Жмельков, четыре года сражавшийся на фронте, попытался вернуться в большой футбол. Но это была только тень незабываемого вратаря. Тень и по мастерству, и по отношению к футболу.

Случай со Жмельковым не типичен для нашего спорта, но он служит бесспорным подтверждением истины, что нарушение режима и жизненных норм даже самого одаренного спортсмена неизбежно приводит к потере мастерства.

Вынужденный отъезд Жмелькова в Читу переложил все бремя ответственности за спартаковские ворота на Анатолия Акимова. В нем подкупали техника и особая культура игры. Он был непробиваем с дальних дистанций, превосходно справлялся со всеми верховыми мячами. Высокий рост и длинные руки помогали ему легко отражать и низовые удары. Но была и у него ахиллесова пята: не любил Анатолий выходов из ворот, чтобы броситься в ноги противнику. Это приносило ему довольно часто физические повреждения.

Начальный путь Акимова был похож на тот, что прошел когда-то Бабкин. Поехал он в Париж в январе 1936 года на игру с «Ресингом» в составе «Спартака» безвестным юношей, а вернулся знаменитым.

Наших вратарей в Париж приехало четверо – два со «Спартаком» и два с «Динамо» (после матча сборной с «Ресингом» «Спартак» уехал на юг, а «Динамо» – на север Франции).

Определить состав сборной предстояло мне, Федору Селину и Константину Квашнину.

Начинать полагаются с вратаря. На это место все кандидаты как на подбор. Иван Рыжов – 30-летний опытный и надежный игрок; Анатолий Акимов – еще зеленый, 20-летний юноша, но талантливый. Это спартаковцы. От «Динамо» оба вратаря более зрелого возраста – 20-летние Евгений Фокин и Александр Квасников.

Наш триумвират колеблется. Конечно, главный принцип – кто сильнее. Но все-таки я – патентованный спартаковец, Федор – верный динамовец, а Константин – золотая середина: выступал мальчишкой вместе со мной на Пресне, а с 1928 года играет в «Динамо». Всем нам хочется быть объективными, да и ошибка в выборе вратаря – дело непоправимое.

Смотрим друг на друга, страдаем и ждем, кто первый рискнет назвать достойного. Прорывает экспансивного Селина.

– Предлагаю Акимова, – подчеркнуто веско произносит Федор. – Обоснований не требуется. Мы все знаем хорошо всех четверых.

Я поддерживаю его и облегченно вздыхаю. Ведь в душе я лелеял это имя, но молчал умышленно, опасаясь обвинения в квасном спартаковском патриотизме.

Квашнин долго думает, но нас уже двое, а он один.

– В конце концов, риск благородное дело, – машет рукой Константин Павлович, и вопрос об игроке под № 1 решен: Акимов.

Насчет остальных кандидатур расхождений почти нет. Налицо крепко сбитый, сыгранный ансамбль сборной Москвы, цвет советского футбола. Именно в этом составе команда не раз выступала в 1935 году. Правда, футболисты несколько утратили свою боевую форму. Ведь сезон у нас закончился два месяца назад, и двухнедельной тренировкой ее сразу не вернешь. Подготовка на опилках конно-спортивного манежа в Хамовниках кое-что, конечно, дала, но, прибыв в Париж, футболисты с трудом ходили по лестницам от боли в неокрепших еще мышцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.